

С. Л. Скопкарева

**ДИАЛОГ ТВОРЧЕСТВА:
литературные очерки о художественных
исканиях В. Короленко и Д. Гранина**

Ижевск

2017

ББК 821.161.1
УДК 574
С 443

Скопкарева С. Л. Диалог творчества: литературные очерки о художественных исканиях В. Короленко и Д. Гранина. – Ижевск, 2017. – 142 с.

В данном издании представлено исследование по творчеству В. Г. Короленко и Д. А. Гранина, выполненное в русле сравнительно-сопоставительного литературоведения.

Материал носит прикладной характер и может быть использован в практической деятельности учителя-филолога, специалистов гуманитарных дисциплин, а также всех тех, кто интересуется вопросами отечественной литературы в аспекте выявления взаимосвязей творческих исканий писателей.

ISBN 978-5-4344-0213-2

ББК 821.161.1

© Скопкарева С. Л., 2017

Скопкарева Светлана Леонидовна – кандидат филологических наук, доцент Института развития образования (Удмуртская Республика). Автор более 200 научных и научно-методических работ (в том числе 8-и монографий, академических изданий в виде научных статей, учебных и учебно-методических пособий) по проблемам региональной, отечественной и зарубежной филологии, а также профессионально-творческой подготовки учителей.

Спектр научных интересов: проблемы теории литературы, русской литературы XX – XXI вв., детской и юношеской прозы, основных тенденций постмодернизма в современной русской литературе. Особое внимание уделяет осмыслению исторического и современного состояния удмуртской литературы.

К числу основных работ, изданных в последние годы, относятся: «Фаустианское начало в прозе Г. Красильникова» (2008), «Новая образовательная парадигма в контексте вузовского и постдипломного образования» (2009), «Байтеряковлы сизем лыдзонъёс» (2009), «Компетентностный подход – залог успешности личности» (2010), «Широбоковлы сизем лыдзонъёс» (2010), «Герой нашего времени (к проблеме концепции личности в литературе XX – XXI вв.)» (2011), «Инновационный образовательный кластер и социально-экономическое развитие региона» (2012), «В мире Короленко» (Украина, 2012), «Синтез художественного и документального начал в произведениях В. Короленко и Д. Гранина» (2013), «К проблеме человеческого феномена в поликультурном пространстве» (2013), «Литература Удмуртии: эскизные наброски» (2014), «Творческий феномен Кедр Митрея: заметки литературоведа» (2015), «Большое видится на расстоянии...» (2017), «Достояние республики: о художественной галерее Николая Васильевича Витрука (2017).

СОДЕРЖАНИЕ

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ	6
Раздел I. Философские искания В.Г. Короленко и Д.А. Гранина	8
1.1. Мировидение В. Короленко и Д. Гранина в вопросах человековедения	
1.2. Концепция личности в творчестве В. Короленко и Д. Гранина	
1.3. Гуманизм – категория вневременная	
Раздел II. О тенденциях предшествующей литературы	31
2.1. В. Короленко и Д. Гранин (к вопросу о традициях)	
2.2. Элементы житийной литературы в художественной системе В. Короленко и Д. Гранина	
2.3. Жанр путешествия в художественной системе В. Короленко и Д. Гранина	
Раздел III. К вопросу о поэтике	57
3.1. Стиль как автопортрет писателя	
3.2. Авторское оценочное слово в художественной системе В. Короленко и Д. Гранина	
3.3. Исторический экскурс как воплощение гуманизма в произведениях В. Короленко и Д. Гранина	
3.4. Воспоминание как эстетическая категория в художественном наследии В. Короленко и Д. Гранина	
3.5. «Петербургский текст» в творческой судьбе В. Короленко и Д. Гранина	
Раздел IV. Художественно-документальная литература	81
4.1. Художественно-документальное начало в произведениях В. Короленко и Д. Гранина.	
4.2. Феномен читательского восприятия: к вопросу об интерпретации текстов	
Раздел V. Методические материалы	100
5.1. Гуманистические ценности В. Короленко в формировании профессиональной компетентности учителя-словесника	
5.2. «Книжная полка» учащегося: к проблеме читательского восприятия художественного наследия В. Короленко и Д. Гранина	
5.3. Тема детства в творчестве В. Г. Короленко и Д. Гранина	
5.4. Программа элективного курса «Литература как проявление действительности в художественно-документальной прозе В.Короленко и Д. Гранина»	
Раздел VI. Современное региональное литературоведение о творческом феномене В.Г. Короленко	127
6.1. Глазовская «школа» короленковедения	
6.2. О роли билингвального проекта в развитии современного короленковедения	
6.3. Все о семинарии	
6.4. А впереди горизонты	
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	139
ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ	142

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Современное литературоведение отличается пристальным вниманием к интерпретации текста, бытующего в разные исторические эпохи, поскольку этим обуславливается восприятие художественно-эстетической модели мира и человека. Линейный (исторический) принцип постижения литературного процесса позволяет выявлять любопытные точки соприкосновения творческой индивидуальности авторов, значительным образом отдаленных друг от друга.

Подобные ассоциации можно обнаружить в отношении творческого феномена В. Короленко и Д. Гранина. Мировоззренческая близость писателей проявляется в сходстве тем, жизненных устремлений героев и даже художественных решений.

О неугасающем интересе к личности и творчеству В.Короленко свидетельствует активным образом развивающееся в современных условиях короленковедение.

Материалы представленных литературоведческих изысканий наглядно отражают логику развития короленковедения на современном этапе. Взаимосвязанное изучение творчества писателей, принадлежащих разным эпохам,

позволяет наметить логику преемственности в условиях современного литературного процесса.

В этом отношении наиболее ярко высвечивается феномен художественного дарования В. Г. Короленко, до сих пор озаряющего горизонты отечественного литературы.

Раздел I.

Философские искания В. Г. Короленко и Д. А. Гранина

Сравнительно-сопоставительное осмысление творческой индивидуальности писателей стало возможным в связи с общностью их мировидения в вопросах восприятия и раскрытия мира и человека.

Мировидение В. Короленко и Д. Гранина в вопросах человековедения

Феномен тяготения Д. Гранина к В. Короленко интересен для нас как объект исследования не только в вопросах сопряженности их творческого дарования, но и в вопросах осмысления человеческой сущности. Всю свою творческую и публицистическую деятельность В. Короленко посвятил отстаиванию личностной позиции человека, неустанно борясь за его свободу и права. И это очевидно в отношении многих вопросов, касающихся нравственно-этической стороны. Например, обоих писателей волновала проблема страха, его

преодоления. В их трудах можно встретить мнение о том, насколько это подвластно человеку.

Природа такого явления, как страх, давно находится в поле зрения психологов, педагогов, социологов, философов и всех тех, кто интересуется данным аспектом. К их числу уместно отнести вышеназванных писателей. Так, Д. Гранин основательно осмысливает природу страха в публицистических заметках «Страх».

Писатель исследует это явление, обращаясь к собственному опыту, откровенно признаваясь в том, что сам неоднократно был подвержен этому чувству. Вот что отмечает автор: «На нашем веку страх занимал слишком большое место. Мне захотелось рассчитаться с этим чувством, попробовать взглянуть ему в глаза, не уклоняться, а спокойно рассмотреть, что это за штука».¹ Рассматривая страхи в разных ситуациях (например, в быту, на войне), Д. Гранин пытается выстроить иерархию: «У страха есть, как у каждого чувства, своя иерархия – ужас, боязнь, стыд, потрясение, испуг, мучения. Древние греки давали следующие определения:

Ужас – страх, наводящий оцепенение.

Стыд – страж бесчестия.

Робость, боязнь – страх совершить действие.

Испуг – страх, от которого отнимается язык.

Мучение – страх перед неясным.

¹ Гранин Д. Страх // Неизвестный человек. – СПб., 2002. – С.215.

Страху подвержен весь животный мир, страх спасает, оберегает, позволяет выжить».² Подобное подтверждение встречается всюду, в том числе, когда природа страха исследуется в детской литературе. Приверженность детей к страху, их желание вопреки всему слушать и рассказывать страшные истории, свидетельствует о врожденной потребности приобрести такой опыт переживания. Очевидно, такая социализация крайне необходима ребенку. Структура этого жанра, его содержательная начинка оказываются для детей привлекательными, поскольку у них формируется иммунитет против страха. Именно страх становится одним из основополагающих в вопросах выживания и сохранения собственной жизни. К вопросу детских страхов писатель тоже обращается в своих заметках: «Первые детские страхи темноты, страх потеряться, страх перед животными, перед ссорой взрослых – уходят с возрастом».³ И перед человеком возникает другая потребность, четко сформулированная, по мнению Д. Гранина, в «Исповеди» Л. Толстого. И это, прежде всего, связано с проблемой самореализации личности, о поисках цели и смысла жизни, что тоже таит в себе метания, сомнения. В этой связи писатель отмечает: «Человеческий характер подвижен. Поступки зависят от обстоятельств, одни и те же обстоятельства оцениваются по-разному, сегодня так, завтра – иначе. Человек –

² Там же, с. 216.

³ Там же, с.227.

создание текучее, страх может вызвать поступки трусливые, а может и подвигнуть на бесстрашие».⁴

Публицистические заметки Д. Гранина представляют для нас интерес и с точки зрения обращения к феномену В. Короленко. Вот, о чем повествует автор заметок: «Короленко, направляя свои письма Луначарскому против большевистского террора, обвиняя коммунистов в жестокости, совершал лишь то, считал для себя обязательным. В жизни он был слабый человек, отнюдь не склонный к геройству. Почти также субъективно не ощущали себя героями Иван Петрович Павлов и Владимир Иванович Вернадский. Они не осознавали собственную смелость и отчаянность вызова властям, выступая против репрессий. Ими двигало понятие чести, справедливости».⁵ В этой емкой характеристике Д. Гранин подчеркивает врожденное чувство порядочности В. Короленко, который не осознает своего геройства, поскольку для него это естественная норма поведения. Фразу писателя – «в жизни он был слабый человек» – следует понимать как патологическую скромность В. Короленко, расцениваемую окружающими его людьми как слабость, не более того. В нашем представлении, напротив, это есть сила личности великого гуманиста XIX века, живущего во имя и для блага других, абсолютно не используя при этом свой дар публициста в угоду собственнических интересов. Именно

⁴ Там же, с.304.

⁵ Там же, с.316.

это, в нашем представлении, и определяет масштаб личности В. Короленко.

Как видим, мировидение В. Короленко и Д. Гранина в вопросах человековедения во многом перекликается, что в очередной раз позволяет увидеть тесные точки соприкосновения их творческого и человеческого феномена.

Концепция личности в творчестве В. Короленко и Д. Гранина

Все определяет масштаб личности

Концепция личности в творчестве названных писателей вызывает особый интерес среди литературоведов и просто читательской аудитории, поскольку изображаемые ими герои раскрываются, как правило, в ситуации необычной, а порой и экстремальной. Логика совершаемых поступков – вот объект пристального внимания В. Короленко и Д. Гранина. Обоим авторам важно погрузиться в изображаемую эпоху, ситуацию, чтобы выявить их поведенческие мотивы.

Выше личности ничего нет и быть не может. Суть кризиса писатели обнаруживают не только в духовной смерти человека, а в расширении, подвижности границ самой личности. Утрата устойчивой внутренней, психологической доминанты часто

ведет к многогранной сложности и открытости, бесконечности и непознаваемости человека. Это, естественно, получает свое отражение в литературе, во взглядах самих писателей. Их заботит не столько положительный облик персонажей, хотя это немаловажно, сколько проблема совершаемого выбора. Разобраться в этом поможет осмысление художественной концепции личности в творчестве интересующих нас писателей.

Как известно, художественная концепция личности – это понятие, отражающее совокупность идей, взглядов, принципов видения, постижения и изображения человека как личности в определенном литературном контексте. Художественная концепция личности как основа творческого сознания писателя является центром, который определяет характер, эстетические законы не столько одного произведения, сколько всего творчества в целом или отдельных его этапов.

Особенно большое значение имеют вошедшие в научный обиход работы М. Бахтина ("Проблемы поэтики Достоевского". М., 1963; "Эстетика словесного творчества", М., 1979), которые способствовали более глубокому осмыслению проблемы концепции личности. Исследованию концепции личности в 70-е годы XX века посвящены работы А. Бочарова⁶, Н. Жулинского⁷, Л. Каракосяна⁸, З. Кедриной⁹, Ч. Гусейнова¹⁰ и др. В них

⁶ Петров С. М. Проблема человека и литература социалистического реализма // Концепция человека в эстетике социалистического реализма. – М., 1977.

⁷ Жулинский Н. Художественная концепция человека и проблема характера в современной советской литературе: Дис. ... д-ра филол. наук. – Киев, 1980.

⁸ Каракосян Л. Концепция личности и герои литературы. – Ереван, 1982.

⁹ Кедрина З. Главное – человек. Некоторые черты современного реализма. – М., 1972.

намечены новые аспекты осмысления поставленной проблемы. В 80-е годы прошлого столетия появляются новые литературоведческие работы, посвященные этой проблеме. Среди них обращает на себя внимание книга С. Штут "Каков ты человек?" (М., 1987), работа М. Гетманец "Макаренко и концепция нового человека в советской литературе 20–30-х годов" (Харьков, 1978), исследование Ю. Кудрявцева "Три круга Достоевского. Событийное, социальное, философское" (М, 1979). Литературоведы отмечают, что существо личности, ее целостность проявляют себя именно в нравственной ответственности – в разной ее степени и в разной форме.

Теоретическое понятие «концепция личности» помогает глубоко погрузиться в историю вопроса. При анализе сущности концепции личности как эстетической категории интересно проследить хотя бы в самых общих чертах эволюцию авторского героя на различных этапах становления художественной манеры письма писателя.

Короленковское слово в осмыслении и раскрытии личности героя приобретает публицистическую открытость, лирическую проникновенность, а порой и афористическую меткость. Пожалуй, в поэтике В. Короленко слово является одним из основополагающих в определении собственно короленковской концепции личности. Ее очертания становятся понятными при пристальном восприятии его творчества в целостном охвате. Убедительно емко раскрывается им характер

¹⁰ Гусейнов Ч. Нравственные конфликты в современной литературе // Методологические проблемы в современной литературе. – М., 1976

Тюлина в рассказе «Река играет». Внешне ничем непривлекательный, как правило, ко всему безразличный и безучастный, в момент противостояния стихии он мобилизуется, в глазах появляется блеск, вся концентрация его физической силы направляется на противостояние бурным речным потокам. Мастерски управляя играющей рекой, Тюлин демонстрирует весьма характерную ментальность русского человека, в котором до поры до времени дремлют силы и весь тот потенциал, обычно обнаруживающийся в экстремальных обстоятельствах. Самое главное, что сам человек не придает случившемуся никакого значения и тем более не ощущает себя героем. Для него это привычная, штатная ситуация.

Подобное изображение героев характерно для многих произведений писателя. В частности, это можно встретить в повести «Слепой музыкант». Главный герой – Петр Попельский – не сразу преодолевает в себе чувство обиды, несправедливого отношения к нему со стороны жизни и предначертанной свыше судьбы. Только путем страданий обретается им праведное отношение к собственной судьбе, благодаря чему и смысл жизни – служение искусству – становится определенным, понятным, праведным.

В непривычных для себя условиях раскрывается Вася в повести В. Короленко «В дурном обществе» (адаптированный вариант для детского читателя «Дети подземелья»). Оказавшийся в неблагоприятных условиях в кругу своей семьи (смерть матери, вследствие чего холодность и отчужденность

отца), герой встречается с детьми подземелья, которые оказали на него благотворное, преображающее воздействие. В Васе пробудилось не только чувство сострадания, сопричастности к судьбам нуждающихся людей, но и понимание их поступков и своих собственных. Так, с помощью пана Тыбурция ему удалось восстановить отношения с отцом и другими глазами посмотреть на боль и страдания людей.

Нами упомянуты лишь некоторые произведения писателя, но даже в них уже определились очертания художественной концепции личности, свойственной творческому феномену В. Короленко.

Как и у В. Короленко, концепция личности в произведениях Д. Гранина раскрывается в ситуации противостояния героя необычным жизненным коллизиям. Так, в повести "Клавдии Вилор" исследуется умение героя противостоять социальным обстоятельствам. В годы войны, оказавшись в плену, героиня мужественно выносит пытки. Недоумение врагов, почему женщина оказалась в армии на должности политработника, способствовало более изощренным издевательствам. Они чувствовали в Вилор силу духа и не могли понять, как удавалось ей противостоять целой системе. Действительно, что помогало Клавдии Вилор противостоять этим обстоятельствам? Прежде всего, мысль о доме, семье. То есть те человеческие святыни, которые составляют нравственный фундамент каждого человека. Вилор принадлежала к поколению, которое свято верило в идеалы

социалистического общества. И нашествие врагов воспринималось ими как надругательство над самым светлым, добрым и человечным. "Что-то было в этом, теперь уже уходящем поколении завидное, цельное, что ныне спустя десятилетия, стало виднее, – отмечает автор. – Это были исполненные веры люди, не знавшие сомнения, и, может именно эти качества, вместе взятые, помогли нам – и старым, и молодым – довести войну до победы".¹¹

Послевоенный период в жизни Вилор, пожалуй, был трагичнее, так как противостоять пришлось своим. А это страшное испытание, поскольку нужно было отстоять доброе имя. В ее судьбе наступил унижительный период, зависящий от чиновников, требующих письменных свидетельств, конкретных документов, подтверждающих ее непричастность к деятельности врагов. Д. Гранин отмечает, что "она чем-то соответствовала той женщине-матери, в образе которой изображают победу. Подвиг ее растянулся на месяцы, это был скорее не подвиг, а подвижничество, так как действовала она одиноко, не имея ни задания, ни оружия, ни тайн".¹²

Жизнь Клавдии Вилор невольно вызывает восхищение и преклонение перед этой женщиной. "Лет двести назад, – отмечает автор, – она стала бы проповедницей. Из подобных натур возникали святые, уходили в раскол, такие вели людей за

¹¹ Гранин Д. Клавдия Вилор. – Л., 1989.– С. 78.

¹² Там же, с. 78.

собой проповедническим словом, примером".¹³ Попытка писателя наметить возможную генеалогию подвижничества свидетельствует о неисчерпаемых исторических глубинах, в которых выковывались самоотверженность и беззаветность.

Герой повести "Эта странная жизнь" Александр Александрович Любищев заинтересовал писателя своей незаурядностью, умением встать над обстоятельствами, всецело посвятить себя науке. Этой цели он подчинил всю свою жизнь, разработал Систему, которая позволила ему максимально реализовать свои возможности. Он научился находить время внутри времени. "Всякие перерывы в работе я выключаю, – говорит Любищев, – я подсчитываю время нетто. Время нетто получается из расчета времени брутто, то есть того времени, которое вы провели за данной работой"¹⁴. Таким образом, Любищеву удавалось работать по пять-шесть часов, а порой и семь-восемь часов в сутки. "Это позволило ему работать и вширь, и вглубь, быть узким специалистом и быть универсалом".¹⁵ Писатель постоянно задает вопрос, каким образом он, наш современник, успел сделать так много: убеждает, что это удалось герою благодаря тому, что он выработал для себя не только нравственную границу времяупотребления. Герой решает для себя проблему

¹³ Там же, с. 77.

¹⁴ Гранин Д. Эта странная жизнь. – Собрание сочинений. – Л., 1989. Т. 1. – С. 504 / Далее цитируется это издание.

¹⁵ Там же, с. 526.

"онтологического" характера: Человек и Время. Способен ли он, Человек, овладеть своим Временем, тем, которое ему отведено на землю природою. Любищев овладел своим временем. Но какой ценой? Да, с одной стороны, гигантская работоспособность, максимальная реализация жизненных планов. А с другой, – герой отказывает себе во всем, ведет аскетический образ жизни.

Широтой своей осведомленности в разных сферах науки А. Любищев напоминает ученых средневековья, эпохи Возрождения, французских энциклопедистов и других гигантов мысли, которые не замыкались в рамках какой-либо одной области науки. Герой Д. Гранина через Систему изучал себя, испытывал, сколько он может писать, читать, слушать, работать, размышлять! Это был безостановочный путь самопознания.

На одной из встреч автора с читателями Д. Гранин отозвался об этом произведении следующим образом: "Повесть "Эта странная жизнь" – единственная из всех написанных мною книг, про которую могу сказать, что хотел бы, чтобы ее прочитало как можно больше людей"¹⁶. На примере жизни героя художник показал, какие огромные нереализованные возможности скрыты в каждом из нас. Раскрыть эти возможности, по его мнению, может всякий, кто научится разумно строить свои взаимоотношения со временем, как это сделал ученый-энтомолог Любищев.

¹⁶ Гранин Д. Обратная связь // Литературная газета. – 1979. – 25 июня. – С.6.

Судьбы гранинских героев драматичны. Писатель исследует мучительный процесс их духовного сопротивления в экстремальных обстоятельствах. Несомненно, документализм в гранинских повестях явился одним из способов раскрытия подвижнического пути героев. В каждом художественно-документальном произведении Д. Гранин отшлифовывает образ героя, носителя идеала. При этом автором воспроизводятся характеры, в основе которых лежат черты реально существовавших людей. Именно поэтому писателем используется документальный материал, взятый из конкретной жизненной ситуации. Это совсем не значит, что Д. Гранин отказывается от элементов домысла. Мастерство писателя проявилось в том, что, благодаря художественному осмыслению реальных исторических фактов в его произведениях воссоздаются правдивые картины событий. В этом и заключается своеобразие гранинской концепции личности.

Как видим, для каждого русского писателя, в том числе В. Короленко и Д. Гранина, извечна задача создания героя своего времени – образа человека, с которым связаны надежды общества, социальный прогресс, движение вперед. Поиск такого героя в современном литературном процессе ведется неустанно. Так, сегодня с наибольшей полнотой постигается проблема взаимоотношения личности, общества, природы, выражающая сложные и противоречивые вопросы становления человека, его нравственные искания и философское постижение смысла жизни. Все это показывает, насколько актуальны вопросы

осмысления концепции личности через непосредственное обращение к этой проблеме.

Отражение глубинных исторических процессов, связанных с утверждением личности в действительности и в художественной литературе, дает для литературоведения богатейший материал как в плане сравнения художественных произведений с самой жизнью, так и сравнения этих процессов в произведениях интересующих нас писателей.

Гуманизм – категория вневременная

Известному русскому писателю В.Г. Короленко привелось жить на сломе эпох. Именно этим обуславливается его творческая манера письма, сопряженная с публицистическим началом и гуманистическим пафосом. Многое переосмысливается и соотносится в соответствии с меняющимися ценностными установками эпохи. Как известно, смена временных парадигм влечет за собой изменение мировосприятия, мировидения, и, соответственно, мировоззрения. Писатели, чутко улавливая веяния времени, художественным образом воплощают это на страницах своих произведений.

Так В. Г. Короленко в произведениях «Сорочинская трагедия», «Дом №13», «Бытовое явление» обнаруживает яркий талант публициста. С предельной объективностью он повествует о беззакониях со стороны власть имущих. В «Сорочинской трагедии» писатель представляет на суд читателя достоверные факты судебного расследования в связи с карательными действиями статского советника Филонова, поведав о незаконных жестокостях и массовых наказаниях в отношении ни в чем не повинных людей. Эти карательные экспедиции послужили для В. Г. Короленко поводом к написанию открытого письма в газете «Полтавщина», в которой он призывал к правосудию. Вскоре произошло убийство Филонова, что послужило поводом к травле писателя, якобы спровоцировавшем данное происшествие. Клеветническая кампания, начатая против В. Короленко, послужила поводом для проведения с его стороны самостоятельного расследования, о чем скурпулезно, шаг за шагом, повествует нам в данной статье. Аргументы, представленные здесь автором, подтвердились полностью. Вот как об этом пишет писатель: «Но я считаю, что значение «сорочинской трагедии» гораздо шире личного вопроса и даже вопросов местных. Это типичная «карательная экспедиция»... Поэтому я и решил развернуть перед обществом всю эту картину, как она рисуется теперь на основании официально проверенного материала. При этом читатели могут судить попутно и о том, имели ли писатель Короленко и независимая полтавская печать *право* и даже *обязанность*

напечатать» открытое письмо» с призывом к суду, и на чьей стороне были не только право и правда, но и самая строгая «законность».¹⁷ С последовательной настойчивостью писатель вводит читателя в курс дела, подкупая его представленными фактами и аргументами.

С подобной гуманистической позицией В. Г. Короленко можно встретиться в очерке «Дом №13», где в очередной раз писатель указывает на ужасное происшествие в отношении евреев. Рассказывая о жестокой расправе над жителями дома №13, В.Г. Короленко отмечает бездействие правоохранительных органов, безучастно наблюдающих за расправой над евреями, ссылаясь на отсутствие приказа. Цинизм их поведения, животный инстинкт расправляющейся толпы – вот, что потрясает писателя-гуманиста. Представленное описание погрома наглядно воспроизводит зрительную картину ужасающих последствий: «Двор еще носит выразительные следы разгрома: весь он усеян пухом, обломками мебели, осколками разбитых окон и посуды и обрывками одежды. Достаточно взглянуть на все это, чтобы представить себе картину дикого ожесточения...».¹⁸ Журналистское расследование писателя-публициста убеждает читателя в его гуманистическом откровении и небезразличии к судьбам людей любого вероисповедания. Вновь в этом можем убедиться, обратившись

¹⁷ Короленко В. Г. Публицистические статьи. Собр. Соч. в шести томах. – М., 1971. – С.80 – 81.

¹⁸ Там же, с. 65.

к «Бытовому явлению», где представлены заметки публициста о смертной казни. Осмысливая будни смертников, В. Г. Короленко приходит к мысли о том, что «... смертная казнь превратилась в будничное бытовое явление».¹⁹ Многие злободневные вопросы оказываются в поле зрения писателя. Его равнодушие к судьбам людей подкупает читателя, который чутко улавливает гуманистическую направленность его действий.

Как бы ни волновали писателя изображаемые события, мы не встретим в его произведениях эмоционального накала, субъективной оценочности. Во всем проявляется максимальная порядочность В. Г. Короленко-человека-писателя. Его беспристрастное повествование есть свидетельство личностных качеств. Так через прочтение публицистических статей формируется портрет В. Г. Короленко.

Мировоззренческая позиция писателя в силу своей гуманистической направленности, в нашем представлении, близка Д. А. Гранину, которому тоже суждено жить в эпоху перемен, неустанно отстаивая принцип гуманизма. Начиная с конца XX века, в нашем обществе ощущается катастрофическая нехватка человечности и гуманности. Писатель всю свою творческую и общественную деятельность направил на утверждение гуманистичности.

В таких его произведениях, как «Милосердие», «Жизнь по правде требует ежедневного мужества», «Ответственность

¹⁹ Там же, с. 138.

подлинная и мнимая» очевидно осмысление ценностных установок современного нам общества. Нередко писатель противопоставит мнимым ценностям, утверждая ценности подлинные. Даже названия его произведений предельно красноречивы. Стилистически выверенные, публицистически насыщенные тексты Д. А. Гранина откровенно раскрывают вопросы милосердия в наши дни. И это не абстрактные суждения. Так Д. А. Гранин в рассказе «Потерянное милосердие» рассматривает вопросы милосердия, насколько сегодня мы способны на это. Оказавшись в ситуации человека, получившего серьезную травму на улице, Д. А. Гранин размышляет над тем, почему ему встретились безразличные люди. Вот как он пишет по этому поводу: «Лица всех встречных, как оказалось, надолго запечатлелись в памяти, я их всех могу воспроизвести даже сейчас. Обыкновенные прохожие, наверняка симпатичные, милые в обыденной жизни, я запомнил их потому, что в эту страшную для меня минуту на каждом из них было выражение полного отчуждения, нежелания подойти, брезгливость, холодность, в лучшем случае – любопытство, но не более того. Ни у кого не появилось сочувствия. Ни у кого – беспокойства, никто не сделал шага навстречу, никто не спросил...».²⁰ Экстраполируя собственное происшествие на судьбы других людей, писатель мучительно размышляет над тем, что же с нами произошло, если мы позволяем себе хладнокровно пройти мимо несчастья.

²⁰ Гранин Д. Неизвестный человек: Повесть, рассказы, эссе. – СПб., 2002. – С. 91 – 92.

Осмысливая проблемы дегуманизации общества, Д. А. Гранин значительным образом перекликается с активной гражданской позицией В.Г. Короленко. Не смотря на значительную временную отдаленность друг от друга, оба писателя ассоциируются в восприятии современников людьми с принципиальным отношением к жизни, к происходящему, стремлением к предельно объективному изображению действительности. Прямым подтверждением тому, ссылка Д. А. Гранина на В.Г. Короленко в вопросах осмысления роли милосердия в нашем обществе, обращение при этом к прошлому, в условиях которого бытовало понятие «милосердие». Писатель отмечает: «Была своя вера, своя религиозность у Пушкина, у Достоевского, у Короленко, у Чехова, даже у Горького. Она-то и двигала ими и побуждала не просто декларировать гуманизм, сострадание, не только призывать к милосердию через свои произведения, но и совершать его своими действиями. И выше всего тут стоит защита отдельного человека, помощь кому-то, что требует конкретных действий».²¹ Такая основательная оценка гражданской позиции одного писателя другим представляет для нас определенный интерес. И разговор в этой связи уместно вести в русле не только типологического метода исследования.

В этом же произведении мы встретим оценку деятельности В. Г. Короленко и в отношении удмуртского народа, а также вышеназванных произведений писателя. Вот,

²¹ Там же, с.145.

что пишет в этой связи Д. А. Гранин: «Замечательный писатель Владимир Короленко в 1895 году вмешался в, казалось бы, совершенно безнадежное судебное дело: группу крестьян-удмуртов обвинили в ритуальном убийстве. Он изучил все материалы, показал, что дело было сфальцифицировано, и сумел добиться их оправдания.

Тем самым защитил от кровавых наветов целый народ – вот какое значение обрело его вмешательство».²² Не случайно Д. А. Гранин обращается к биографическим страницам писателя, потому как именно они позволяют проследить логику становления его мировоззрения. Вот, что он отмечает: «Биография Владимира Короленко состоит из множества подобных поступков совести. Он яростно выступает против кишиневского погрома в 1903-м, в 1910 году – против военно-полевых судов, которые лишали подсудимого прав на защиту, выступает против сфабрикованного дела Бейлиса, русского подобию дела Дрейфуса, выступает против полицейского произвола. После Октябрьской революции он не боится выступать против идеи большевиков о пролетарской диктатуре, против красного террора. В 1922 году он пишет письма народному комиссару Луначарскому, требуя прекратить незаконные акции чекистов, расстрелы людей без открытого суда и следствия. Бесстрашно и настойчиво до последних дней своей жизни он пытается выручить схваченных чекистами, будит правосознание русских людей.

²² Там же, с.145.

Биография таких дел у В.Г. Короленко, наверное, не менее велика, чем его биография».²³ Данная оценка писателя представляет для нас большой интерес, поскольку все это близко личностным убеждениям самого Д. А. Гранина. Более того, он пытается наметить в этом произведении «исследование о милосердных делах», ссылаясь на то, что «еще в XVIII веке в своем сочинении «Путешествие из Петербурга в Москву» Радищев восклицал: «Я взглянул окрест меня – душа моя страданиями уязвлена стала». Способность уязвляться страданиями окружающих свойственна не всем людям».²⁴ В утверждении сострадания в обществе сближает интересующих нас писателей.

«Судьба человеческая зависит не от высоких технологий, не от того, сумеем ли мы произвести больше продуктов, скорее всего, она зависит от количества доброты и сострадания. Пока что божественное в человеке разрушается, и воцаряется зло. Цивилизация XX века была технической, а не человеческой, она себя не оправдала. Остается, как всегда, надеяться на следующий век».²⁵ Так завершает свое повествование Д. А. Гранин, уповая на XXI век как век справедливого и более гуманного отношения к человеку. Став современником нового тысячелетия, писатель вновь убеждается в том, что ничего не изменилось, напротив, отчуждение от личности, абсолютное к

²³ Там же, с. 145 – 146.

²⁴ Там же, с. 146.

²⁵ Там же, с. 152.

ней безразличие увеличивается в алгебраической прогрессии. Больно, горестно осознавать свое бессилие в ситуации противостояния мощному потоку расчеловечивания личности. И в этом немаловажная роль принадлежит СМИ, да и не только. Так мы становимся невольными свидетелями сложившегося кризиса традиционной модели детства и семейного воспитания, что, несомненно, обуславливает появление бездуховности в обществе. Кризис детства выражается в стирании границ между детством и взрослостью. Детство исчезает, так как современная медийная и коммуникативная среда нарушает систему фильтров и границ между детским и взрослым миром, разрушает однозначную иерархию, в рамках которой знания, компетенции и опыт направлялись от мира взрослого в мир детства. Вся социальная и культурная динамика современного общества ставит под вопрос само существование детства как самостоятельного феномена, являющегося предметом целенаправленного педагогического воздействия. В противном случае, мы имеем то, что имеем. Именно поэтому так важны для нас гражданские принципы известных современных нам писателей.

В этой связи уместно вспомнить В. Распутина, удивительного мастера слова, публициста нашего времени, который в повести «Дочь Ивана, мать Ивана» отмечает, что «с приходом свободной жизни, когда из телевизора, как из волшебного горшка, полезла каша, состряпанная из гадостей, а слово, чтобы остановить ее, перевалившую через порог и

забившую улицу, – слово это потеряли».²⁶ Как видим, во все времена писатели активно обращаются к вопросам морали, о чем свидетельствуют их художественные и публицистические тексты. Именно слово по-прежнему остается главной движущей силой в формировании ценностных ориентиров социума.

Несомненно, гражданский лик В. Г. Короленко, гуманистический пафос его произведений становятся определяющими для последующих поколений писателей.

²⁶ Распутин В. Дочь Ивана, мать Ивана // Наш современник. – 2003. – №11. – С.2.

Раздел II.

О тенденциях предшествующей литературы

Современный литературный процесс в России характеризуется активными поисками формы и содержания в раскрытии человека в условиях непрерывно меняющегося мира. Отсюда тяготение к достижениям предшествующей литературы.

Художественное дарование В. Г. Короленко нередко наполнено мотивами литературы прежних лет, в том числе и древнерусской. В результате сравнительно-сопоставительного анализа обнаруживаются интересные взаимосвязи с писателями, значительно отдаленными во временном пространстве. Так удивительным образом высветился феномен творческой взаимосвязи с современным нам писателем Д. А. Граниным.

В. Короленко и Д. Гранин (к вопросу о традициях)

Современный литературный процесс в основе своей опирается на лучшие традиции русской классической литературы.

В творчестве В. Короленко и Д. Гранина соседствует документалистика и беллетристика. Произведения этих

писателей объединяет гуманистическая направленность, характерная как для публицистики, так и для беллетристики. С этой точки зрения рассмотрим, как традиции В. Короленко преломляются в творчестве Д. Гранина. Отдельные традиции В. Короленко находят свое отражение в произведениях Д. Гранина. Их объединяет общее – проблема эстетического идеала. Данная проблема решается ими на материале беллетристики и публицистики.

В произведениях обоих писателей отдельная человеческая личность рассматривается на фоне жизненных явлений. Принципиально важно то, что их герои отказываются от фаталистического примирения с жизненными обстоятельствами. Они противостоят им. Это можно проследить в произведениях В. Короленко («Старый солдат», «Река играет») и Д. Гранина («Наш комбат», «Собственное мнение»). И В. Короленко, и Д. Гранина личность, как правило, интересуется в момент перелома, так как в критической ситуации максимально раскрываются ее духовные ресурсы.

Как видим, писатели в своих произведениях исследуют скрытые возможности героизма. Проблема эстетического идеала невольно перекликается в их творчестве с проблемой милосердия. Наиболее отчетливо это проявилось в ряде публицистических произведений В. Короленко («Сорочинская трагедия», «Дом №13», «Бытовое явление») и Д. Гранина («Милосердие», «Жизнь по правде требует ежедневного мужества», «Ответственность подлинная и мнимая»).

Публицистика занимает значительное место в творчестве писателей и связана с их активной жизненной позицией. В создании публицистических произведений авторов объединяет принцип отбора фактического материала. Так, исследователь Г.А. Бялый отмечает, что «критерием отбора жизненных явлений в публицистике В. Короленко является не распространенность того или иного факта, а, напротив, его редкость». От В. Короленко переходит к Д. Гранину метод «письма с натуры» (термин Г.А. Бялого). Сюжеты их публицистических произведений опираются на подлинные факты, которые раскрывают реальных людей.

Особое место в структуре публицистических произведений В. Короленко и Д. Гранина занимает образ Повествователя. В произведениях писателей авторская позиция раскрывается через образ Повествователя, но в то же время образ Повествователя является самодостаточным, что придает повествованию предельную объективность.

Как видим, традиции В. Короленко нашли свое частичное отражение как в публицистических, так в беллетристических произведениях Д. Гранина, что по праву, на наш взгляд, сближает писателей, значительно отдаленных друг от друга по времени. Ценностные ориентиры оказываются вне времени. Ярким свидетельством тому гражданская позиция Д. Гранина, органично воплотившаяся на страницах его произведений, являющаяся для современника XXI века эталоном духовного самостояния.

Элементы житийной литературы в художественной системе В. Короленко и Д. Гранина

Жития сыграли важную роль в формировании нравственных основ общества. По мнению Д.С. Лихачева, "житие святого всегда имело двойной смысл, – само по себе и как моральный образец для остальных людей"²⁷.

Житие имело каноническую композицию, которая складывалась на протяжении столетий. Начиналось оно обычно предисловием, где автор оговаривал свою недостаточную образованность. В первой части агиограф давал пояснения к повествованию. В частности, он сообщал о причинах, побудивших взяться за перо. Как правило, автор боялся забвения. Создание книги – это овеществленная память о духовном подвижничестве великих современников. В последней части сочинения агиограф выступал от первого лица, произнося хвалу святому. Следует отметить, что назначение житийной литературы не только в том, чтобы увековечить биографию конкретной личности, ее цель – донести до последующих поколений пример подвижнического жизненного пути. Житийная

²⁷Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X – XVII в. Эпохи и стили. – Л., 1973. – С.230.

литература, таким образом, отражала идеал определенной эпохи. Исследуя житийные памятники XI – XIII веков, ученые установили, что через переводную византийскую агиографию в русскую литературу пришли элементы беллетристики, усвоенной из устоявшейся традиции эллинистического романа, античного мифа, сказки, из исторического повествования. Постепенно героем жития становится не только совершивший подвиг во славу веры государственный или церковный деятель, но и простой человек из народа, только с необычной биографией. Этот процесс, который называют "секуляризацией житийного жанра", способствовал превращению жития из церковно-служебного жанра в литературный²⁸. Завершился этот процесс в XVIII веке, что подтвердилось появлением "Жития протопопа Аввакума". Эта книга усилила тенденцию к проникновению в русскую агиографию элементов живой действительности и к изображению реальных черт живого человека, что способствовало усилению документального начала в литературе.

Древнерусский жанр жития изначально имел публицистическую направленность, так как повествовал о герое, преданном одной идее²⁹. Внимание к незаурядной личности, способной на подвиг, к человеку, сознательно переносящему ограничения ради достижения цели, – вот что характерно для древнерусского

²⁸ Бушуева С. И. Мотивы, образы, сюжеты древнерусской литературы в современной советской прозе (на материале творчества Ф.А.Абрамова). – М., 1988. – С.90.

²⁹ Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X – XVIII в. Эпохи и стили. – Л., 1973. – С.230.

типа повествования. Это, безусловно, сближает «житие» с короленковской манерой изображения характера героя.

Писатель, как правило, раскрывает личность необычную, даже в чем-то исключительную, но в то же время реальную. Образ героя, созданный на документальной основе, рассматривается писателем в экстремальной ситуации. В произведениях В. Короленко изначально заложен нравоучительный смысл. И это не случайно, так как автора всегда интересовало, как влияют его герои на судьбы современников. В «Истории моего современника» (1921) представлены автобиографические вехи самого писателя, выстроенные в логике особенностей житийной литературы.

Изображая жизненный путь героя своего времени, в поэтической канве которого рельефным образом проступают собственно биографические факты писателя, В.Г. Короленко знакомит читателя с развитием общественного движения 60–80-х годов XIX века, а также с выдающимися историческими событиями того времени. Особенности его личной биографии предопределили круг исторического материала, составившего содержание четырёх книг «Истории моего современника». Писатель представляет обобщенный (типический) образ героя своего поколения, разночинца, разделяющего демократические устремления современной ему эпохи. Писатель воспроизводит в своей памяти важнейшие эпизоды собственной жизни, предельно субъективно осмысливая определенные жизненные вехи.

Повествование отличается панорамное изображение представленных событий: семья и гимназия, студенческая аудитория и нелегальные сходки семидесятников, чердачные трущобы и тюрьмы, канцелярии чиновников и жизнь крестьян. Все это охватывает почти тридцатилетний период (50–80-е гг.). Значителен и географический аспект: Житомир, Москва, Петербург, Кронштадт, Вятка, Пермь, Иркутск, Березовские Починки, Амга Якутской области. Попытка на всеохватность, желание и потребность вникнуть в существо происходящего – отличительная манера повествования В. Г. Короленко.

В «Истории моего современника» мы видим, как формируется критическое отношение к устройству жизни у юного героя. Постепенно ощущение обратной ее стороны переходит у него в понимание социальной несправедливости государственного устройства. Так постепенно происходит переход от романтического восприятия жизни к суровым реалиям.

Важные жизненные вехи героя, напрямую связанные с глобальными историческими изменениями, красноречивым образом свидетельствуют о «врастании» человека в эпоху. Это была именно история – история общества и история личности в их нераздельной слитности, история народа и история человека, стремящегося связать с народом свою судьбу, сохранив при этом свою индивидуальность и своё достоинство. Это было крайне важно для героя «Истории моего современника». Нередко он открыто противопоставляет себя людям из народа,

если они посягают на его достоинство. Как человек образованный он требует уважения к себе и точно так же относится к окружающим его людям.

Согласно концепции В.Г. Короленко, «сознание личной ответственности за весь порядок вещей» – вот отличительное качество его героя. Именно это и формирует отличительную черту концепции личности в творчестве писателя.

Мастерски В. Г. Короленко воссоздал в произведении конкретные образы чиновников уездного суда, высшего начальства, представил целую галерею казённых учителей, сторонников догматического воспитания. Так воспроизводится жизнь глухой провинции в «Истории моего современника».

Известно, с каким настроением ехал В. Г. Короленко в вятскую ссылку. Он готов был испытать все невзгоды, лишь бы пойти в народ. Однако народнические увлечения автора произведения не выдержали соприкосновения с действительностью. Познав суровую жизнь деревни, он избавился от прежних представлений, проникся жизненным укладом Березовских Починков, что спустя почти сорок лет позволило ему воспроизвести ее в «Истории моего современника» с предельной реалистичностью. Много на его пути встретилось талантливых и одаренных людей, которым суждено было прозябать в провинции.

В повести автор умело воссоздает портреты многих участников общественного движения 60–70-х годов, к которому нередко примыкали случайные люди. В ссылке В. Г. Короленко

посчастливилось встретиться с людьми непреклонной воли, с участниками крупных политических процессов. Он встречался с теми, кто привлекался по делу Н. Чернышевского и Д. Писарева.

Значительное место в «Истории моего современника» занимает студенческий период жизни писателя. Он изображает полуголодное существование во время учёбы в Технологическом институте, затем описывает работу в корректорском бюро, изображает протест студентов в Петровской академии. Главы, посвящённые «артели нищих студентов», обитавших на чердаке №12, дают одну из характернейших в русской литературе картин жизни разночинного студенчества.

Последние главы романа полнее всего освещают деятельность народнической интеллигенции. Как отмечает писатель: «Я поставил себе... задачу: рассказать именно «историю моего современника», т.е. события, которых был свидетелем, а эти события сами по себе представляют интерес своей мемуарной стороной, помимо их художественного интереса. Об этом я говорю немного в одной из первых глав третьего тома. Говорю именно о том, как порой во мне борются бытописатель и художник. И мне приходится отдавать предпочтение бытописателю». Это признание В. Г. Короленко свидетельствует о том, насколько авторская манера повествования органично включает в себя элементы житийной, мемуарной, автобиографической литературы, пронизанной художественным дарованием писателя. Их интегрированность

друг в друга и определяет, в нашем представлении, уникальность данного произведения.

Несомненно, «История моего современника» – это крупномасштабное повествование В. Г. Короленко, отличающееся панорамным воспроизведением не только исторического периода, но и предельно объективным изображением процесса формирования и становления личности героя. Короленковская концепция раскрытия личностного роста реально жившего человека очень близка Д. Гранину. Для его авторской манеры повествования свойственно осмысление судеб современников, живущих на пределе духовных и физических возможностей, что и сближает их с героями житийной литературы.

Если сопоставить гранинские повести-жизнеописания с древнерусскими житиями, то можно увидеть типологическое сходство. Особенно это заметно в таких произведениях писателя, как "Размышление перед портретом, которого нет" (1968), "Повесть об одном ученом и об одном литераторе" (1972), "Эта странная жизнь" (1974), "Клавдия Вилор" (1975), "Зубр" (1986). Эти повести объединяет раздумье над идеалом человека и его воплощение в реальной жизни.

Следуя традициям житийного жанра, Д. Гранин изображает преимущественно судьбу реального человека, доводя расхождения между биографией прототипа и художественного образа до минимума. С этой целью он не изменяет имена и фамилии изображаемых людей. Решая проблему соотношения

героя и эстетического идеала, автор обращается к архивам, дневниковым записям, письмам, воспоминаниям близких людей и т.д. Писатель строит произведения на строго документальной основе. В этих повестях, как и в житийной литературе, автор исследует нравственные истоки духовного сопротивления обстоятельствам. В каждом произведении есть свои экстремальные ситуации, с которыми сталкивается герой. И кажется невероятным его сопротивление обстоятельствам, но писатель преподносит читателю целую серию убедительных фактов. Экстремальные обстоятельства – лучшее испытание, с помощью которых Д. Гранин обнажает суть характеров героев, и документальность убеждает читателя в правдивости изображаемого.

Герой повести "Эта странная жизнь" (1974) Александр Александрович Любищев заинтересовал писателя своей незаурядностью, умением встать над обстоятельствами, всецело посвятить себя науке. Этой цели он подчинил всю свою жизнь, разработал Систему, которая позволила ему максимально реализовать свои возможности. Он научился находить время внутри времени. "Всякие перерывы в работе я выключаю, – говорит Любищев, – я подсчитываю время нетто. Время нетто получается из расчета времени брутто, то есть того времени, которое вы провели за данной работой"³⁰. Таким образом, Любищеву удавалось работать по пять-шесть часов, а порой и

³⁰ Гранин Д. Эта странная жизнь // Собрание сочинений. – Л., 1989. – Т. 3. – С. 504. (Далее цитируется это издание).

семь-восемь часов в сутки. Писатель постоянно задает вопрос, каким образом он, наш современник, успел сделать так много; автор убеждает, что это удалось герою благодаря тому, что он выработал для себя не только нравственную границу времяупотребления. Герой решает для себя проблему "онтологического" характера: Человек и Время. Способен ли он, Человек, овладеть своим Временем, тем, которое ему отведено на землю природою? Любищев овладел своим временем. Но какой ценой? Отказывает себе во всем, ведет аскетический образ жизни. Экономит время на общении с родными. Беседуя с детьми, он отмечает, сколько на это потрачено времени. Даже смерть сына не помешала его работе, хотя он очень долго и мучительно переживал ее. Работа помогала справиться с горем. И, тем не менее, содержанием его жизни были не невзгоды, а приобретения. Личная трагедия не повлияла на работоспособность. Ничто постороннее не отвлекало его от науки.

И все же Д. Гранин не идеализирует своего героя. Он видит и ущербную сторону его Системы. Писатель приходит к выводу о том, что в такой одержимости и преданности делу "человечески симпатичного мало", так как в жизни должно быть нечто дороже и Науки, и Времени.

Жизнь героя настолько необычна и удивительна, что сближает его с героями древнерусских житийных повествований, является жизненным примером как для

писателя, так и для его современников. И этим изобразительным приемом Д. Гранин еще более близок В. Короленко.

Как видим, творческую манеру повествования В. Короленко и Д. Гранина отличает тяготение к традициям предшествующей литературы, в частности, древнерусской, что обнаруживается в использовании ими в системе художественно-изобразительных средств элементов житийного повествования. И это не случайно, так как писатели стремятся к воспроизведению опыта реально жившей личности, представляющей интерес для современного читателя.

Жанр путешествия в художественной системе

В. Короленко и Д. Гранина

Путешествие как литературный жанр привлек внимание В. Короленко и Д. Гранина тем, что его структура помогает познать и раскрыть национальное своеобразие разных стран в условиях XIX – XX вв., дает возможность полнее выразить себя, точнее определить свое местопребывание в эпохе, свое представление о духовном мире современника.

Описания путешествий издавна занимали особое место в искусстве слова, они помогали писателю непринужденно и

увлекательно, в специфической форме показать жизнь разных стран и народов, раскрыть взаимосвязь важных проблем древности и современности. На формирование художественного жанра путешествия влияли как путевые записи самих путешественников, то есть документальные путешествия, так и легенды, возникшие на почве этих рассказов.

Документальные путешествия, написанные в эпохи, когда еще не различали прозу научную и художественную (античность, средневековье, Возрождение), сохранили и познавательную ценность, и эстетическую. Например, историко-географическое сочинение Геродота, Страбона, Плиния Старшего, "Германия" Тацита, а также "Записки о галльской войне" Юлия Цезаря. В произведениях, построенных в форме путешествий, содержался большой фактический материал о нравах, обычаях разных народов, географические сведения. Многие путешествия написаны живо, образно, занимательно.

Известно, что путешествие как литературный жанр возник в России в конце XII века из взаимодействия греческих проскинитариев (путеводители для паломников), с одной стороны, и древнерусских "хождений", с другой.

В средние века появились описания странствий купцов и путешественников ("Христианская топография вселенной" Космы Индикоплова – XI в., "Книга" Марко Поло – 1298 г., "Хождение за три моря" А.Никитина – XV в.), походов проповедников христианства и паломников в святые места. Мотив странствий издревле распространен во многих жанрах

художественной поэзии и художественной прозы. Как композиционный или сюжетный принцип он присутствовал у Вергилия и Данте, в эпосе восточных народов, в европейских рыцарских и плутовских романах.

Популярность увлекательных путевых описаний великих географических открытий XV – XVI вв., морских и сухопутных экспедиций XVII – XVIII вв., пиратских плаваний и авантур усилила использование в художественной литературе приемов описания документальных путешествий и формы путевого дневника.

В XVIII веке в Англии сложился жанр просветительского романа-путешествия, в котором сочетались черты авантюрного, философского, психологического и бытописательного романов. Со временем в просветительские романы-путешествия широко вводятся изображения современного общества и его противоречий ("Путешествие из Петербурга в Москву" А. Н. Радищева).

Под пером сентименталистов роман-путешествие превращался в дневник, фиксирующий переживания и настроения "сентиментального путешественника" ("Письма русского путешественника" Н. М. Карамзина).

У писателей-романтиков обращение к теме путешествия и "духовного скитания" героя в вечно сменяющейся обстановке, воспроизведение колоритных нравов дальних стран и непривычной для европейца экзотической природы выражали романтический протест против бездушия. Романтики разра-

ботали жанр лирического путевого очерка с его конкретностью описаний, интересом к национально-характерному и эмоциональностью стиля.

Таким образом, расцвет литературы путешествий в России начался с конца VIII в. и первой половины IX в., когда путешествия из периферийной области литературы превращались в полноправный литературный жанр, что было вызвано общими задачами, стоящими перед проблемой создания большой повествовательной формы.

В XIX в. путевой очерк превратился в емкую литературную форму, в которой нашли отражение разнообразные грани материального и духовного бытия – лирическое "я" автора, размышления о национальном облике, об истории и культуре страны, о духе эпохи и зарисовки нравов и типичные бытовые сценки. Классическим образом путевого очерка, сочетающим достоинства романтизма и реализма, стало "Путешествие на Гарц" (1826 г.) Г. Гейне, исполненное и чистого лиризма, и сатиры, и публицистичности. Образцы путевого жанра в русской литературе – "Путешествие в Арзрум" А. С. Пушкина, "Фрегат "Паллада" И. А. Гончарова, "Из кругосветного плавания" К. М. Станюковича, зарубежные очерки Ф. М. Достоевского, М. Е. Салтыкова-Щедрина, очерки В. Г. Короленко, зарисовки А. И. Герцена в "Былом и думах", "Остров Сахалин" А. П. Чехова и др.

Следует заметить, что произведения, в основе которых лежит путешествие или его элементы, встречаются и у русских писателей. К их числу относятся, например, "Путешествие из

Петербурга в Москву" А. Н. Радищева, "Герой нашего времени" М. Ю. Лермонтова, "Кому на Руси жить хорошо" Н. А. Некрасова, "Фрегат "Паллада"" И. Гончарова и др.

То обстоятельство, что все произведения авторов-"путешественников" имеют общие черты, заставляет искать внутренние основы их жанрового единства и строить теорию жанра. Объединяет их не только то, что они написаны "по следам" путешествий, имеющих определенный маршрут, но целый комплекс других черт, общих для произведений этого жанра, которые рассмотрим на примере произведений В. Короленко и Д. Гранина.

Типологические особенности их путевых описаний таковы, что возникает мысль о возможности сопоставления с текстами древнерусской литературы, с "хождениями", например. "Хождение" – жанр древнерусской литературы, особая разновидность литературного вида путешествий. Древние тексты "хождений" имели черты, перешедшие в современные описания путешествий, особые приемы композиции, например. К ним относятся: повествование от имени автора-путешественника, активно обсуждающего многообразные эпизоды, перемежающиеся вставными новеллами, лирическими отступлениями и т.д.

Так, в творчестве В. Короленко характерные особенности жанра хождения находят органичное воплощение, например, в произведении «Без языка» (1885). Архитектоника повествования обусловлена логикой авторской исповеди о судьбе людей,

оказавшихся в другой стране. Повествователь, строго следуя маршруту передвижения героев, передает психологически выверенную картину их «погружения» в быт и нравы Америки. Мотив пути, мотив дороги – это стержневые элементы композиции произведения, которые так удачно использует В. Короленко в своем произведении. Вот как воспроизводит писатель этот непростой для героев путь: «Плещет волна, ходят туманные облака, летают за кораблем чайки, садятся на мачты, потом как будто отрываются от них ветром и, колыхаясь с боку на бок, как клочки белой бумаги, отстают, отстают и исчезают назад, улетаю обратно, к европейской земле, которую наши лозищане покинули навеки. Матвей Лозинский провожает их глазами и вздыхает. Вот, думает он: и чайка боится лететь дальше, а мы полетели».³¹ Дорога порождает не только надежды на светлое будущее, но и внушает чувство тревоги, безысходности и даже страха перед неизвестным. И ощущение зыбкости, неопределенности усиливается в произведении в момент описания морской пучины: «А море глухо бьется в борты корабля, и волны, как горы, поднимаются и падают с рокотом, с плеском, с глухим стоном, как будто кто грозит и жалуется вместе. Корабль клонит-клонит, вот, кажется, совсем перевернется, а там опять начнет подниматься с кряхтением и скрипом. Гнутя и скрипят мачты, сухо свистит ветер в снастях, а корабль все идет и идет; над кораблем светит солнце, над кораблем стоит темная ночь, над кораблем задумчиво висят тучи

³¹ Короленко В. Без языка // Короленко В. Г. Повести и рассказы. – М., 1953. – С.6.

или гроза бушует и ревет на океане, и молнии падают в колыхающуюся воду. А корабль все идет и идет...».³² Представленное пейзажное описание изменяющегося состояния моря и неба позволяет автору использовать в произведении прием параллелизма, с помощью которого воссоздается контрастное мировосприятие героев, вопреки всему идущих вперед. Странствия героев, испытания, выпадающие на их долю в этот момент, – это тот узловый стержень, вокруг которого автором мастерски выстраивается повествовательная канва произведения.

Нередко в текстах писателя синонимическую функцию в отношении мотива пути, дороги выполняют образы реки, моря. Как известно, водная стихия олицетворяет динамику психологических изменений героев, их внутреннего состояния, напрямую сопряженного с мировидением. Именно поэтому пейзажные описания В. Короленко пронизаны эмоциональным накалом, в концентрированном виде передающем противоречия личности человека. В этом можно убедиться, приведя очередной пример из произведения художника: «Внизу шумело пенистое течение реки, на скалах дремали здания городка, а под ними из камней струилась и падала книзу вода тонкими белыми лентами. Дальше пена реки сливалась с беловатым туманом, который клубился и волновался точно в гигантском котле, закрывая зрелище самого водопада. Только глухой шум, неустанный, ровный и какой-то безнадежный, рвался оттуда, наполняя

³² Там же, с.6.

трепетом и дрожанием сырой воздух мгливой ночи. Будто в тумане ворочалось и клокотало что-то огромное и глухо стонало, жалуясь, что нет ему покоя от века до века ...».³³ В данном эпизоде автором мастерски воспроизводятся не только географические особенности местности, но и передается груз душевной тяжести героя с помощью оценочных эпитетов («глухой», «безнадежный» и др.), а также глагольных конструкций («ворочалось и клокотало», «стонало, жалуясь» и др.). Пейзажные зарисовки усиливают в произведении психологическую доминанту в осмыслении человеческого феномена героев в момент обретения ими истины.

Следует отметить, что элементы очеркистики, собственно документального жанра, прежде всего, представлены в рассказе «Без языка» средствами массовой информации. Газеты г. Нью-Йорка пестрили сообщениями о похождениях дикаря (так прозвали Матвея, абсолютно не знающего английского языка), поступки которого воспринимались местными жителями настолько необычно, что вызвали со стороны полисменов ответную физическую силу, а со стороны героя – недоумением и ярость. И это продолжалось до тех пор, пока герой не встретил земляка, с помощью которого удалось выстроить коммуникации с людьми иной культуры, иного языка. Так, практически в экстремальной ситуации происходило постижение законов, нравов, традиций другой страны: «Впоследствии Матвею случалось ездить тою же дорогой, но впоследствии все в

³³ Там же, с.52.

Америке казалось ему уже другим, чем в эти печальные дни, когда поезд мчал его от Нью-Йорка». ³⁴ Болезненная адаптация Матвея к инородной среде психологически достоверно воспроизводится В. Короленко с помощью авторского оценочного слова, помогающего читателю следовать по пути его трагических испытаний. Собственно мотив пути и мотив жизненных скитаний как таковой воссоздают в произведении В. Короленко философскую картину осмысления личности в ее многогранных проявлениях. И это обнаруживается благодаря наличию элементов жанра путешествия, генетически восходящего к древнерусскому жанру хождения.

В представленном произведении В. Короленко осмысление элементов жанра путешествия происходит на материале художественного текста. Используемая здесь автором система художественно-изобразительных средств значительным образом обогащает его художественную модель мира и человека. Наиболее рельефно черты интересующего нас жанра обнаруживаются в очерковых текстах писателя. В их числе следует назвать очерки В. Короленко из сибирской жизни, «Парадокс» и др. В них явственно присутствуют структурообразующие компоненты жанра путешествия. Данные произведения представляют интерес как объект для дальнейшего литературоведческого исследования.

Жанр путешествия привлекает внимание и современных писателей. Так, в XX веке литература о путешествиях обна-

³⁴ Там же, с. 51.

руживает необычайное разнообразие тем, жанров, стилей. Возникают новые варианты жанра: путевой репортаж, фельетон, путеводитель и т.д.; в него прочно входит научная информация; усиливается социальная тематика, акцентируется "лирический голос" автора. Например, "Мое открытие Америки" В. Маяковского, "Одноэтажная Америка" И. Ильфа и Е. Петрова, "В краю непуганых птиц" и "За волшебным колобком" М. Пришвина, "Ледовая книга" Ю. Смуула, американские и итальянские очерки В. Некрасова, "Уроки Армении" А. Битова, "Ветка сакуры" В. Овчинникова и др.

Особое место путевому очерку отведено и в художественной системе Д. Гранина. Писателю довелось побывать во многих странах Европы, в США, на Кубе, в Австралии, в Пакистане, в Японии. Итогом этих поездок стали "Остров молодых", "Неожиданное утро", "Месяц вверх ногами", "Примечание к путеводителю", "Сад камней". В этих произведениях (созданы в 70 – 80-е годы XX века, спустя столетие после издания рассказа В. Короленко «Без языка») писатель размышляет о сложных связях человека со временем, о национальной и мировой культуре, о силе духовных начал в истории любого народа. Заблуждением было бы считать, что путевой очерк не требует специальных творческих усилий. Это отмечает и Д. Гранин: "Что касается путевого очерка, то тут существовали лично для меня некоторые опасности. Искус простого описательства. Это был легчайший путь. Попадешь в незнакомую страну, описываешь все, что показывают,

памятники, улицы, обычаи, все интересно. Вторая опасность и второй возможный соблазн – обобщение на основе увиденного, услышанного, прочитанного. Мы ведь всегда носим с собою багаж наших собственных представлений, предвзятых мнений и наших собственных суждений. Мы жаждем все оценить, не поразмышлять, а вынести суждение. И есть еще одна опасность. Соблазн дискуссии, полемики с теми, кто о нашем крае уже писал, спор с теми, кто об этом рассказал и кто привязан к своим собственным впечатлениям"³⁵. Это развернутое высказывание сообщает нам о гранинской концепции путевого очерка, в котором особо выделяются черты, порождаемые нежелательными штампами:

- 1) "искус простого описательства";
- 2) "опасность предвзятого мнения";
- 3) "соблазн полемики с предшественниками".

"Наиболее опасно при этом, – считает Д. Гранин, – не искажение фактов, а обобщения, которые так заманчиво сделать о чужих нравах, чужом образе жизни"³⁶.

О своем стремлении избежать этих штампов, о нежелании идти на поводу у "общественного мнения" с его традиционными стереотипами об Австралии, писатель открыто заявляет уже в самом начале очерка "Месяц вверх ногами" (1966). Открывается очерк откровенно ироническими строками: "Когда человек приезжает из Франции, его не спрашивают:

³⁵ Копловитц Я. Развесистая клюква, или в чем секрет оперативного жанра // Нева. – 1974. – № 10. – С. 144 – 145. (Далее цитируется это издание).

³⁶ Там же, с. 144.

- Ну как там Эйфелева башня? Стоит?

Про любую границу задают вполне осмысленные вопросы. Но попробуйте приехать из Австралии. Каждый, кто встретит вас, будь он даже лучший друг, задает один и тот же вопрос:

- Ну как там кенгуру? Видел? Прыгают? Любой разговор начинается с вопроса о кенгуру... Я настолько привык начинать свой рассказ об Австралии с кенгуру, что по-иному уже не умею. Рухнула моя надежда начать путевые записки как-то необычно, свежо".³⁷

Необычное географическое положение страны обуславливает использование в произведении приема перевертывания. Возникает оригинальный образ: Австралия – страна наоборот.

Австралия – страна наоборот. Она располагается под нами. Там, очевидно, ходят вверх ногами, Там наизнанку вывернутый год.

По мнению путешественника, все здесь не так, все по-другому. Мы видим, с каким ликованием автор-герой произведения освобождается от всего, что сковывает его и мешает свободному передвижению. Раскованность во всем: в одежде, в поведении, в общении. Отсюда веселый, доверительный тон повествования, который писатель объясняет следующим образом: "Путевые записки опасны своей привычностью. Я долго думал, как бы мне избежать этой опасности.

³⁷ Там же, с. 144 –145.

Наконец, я придумал тоже привычное средство – юмор. Смешное не бывает привычным".³⁸

В произведении автор добивается ощущения достоверности. С этой целью в очерке все время перемежаются картины увиденного и описания состояния автора, его раздумья.

Путь писателя по дорогам австралийского континента, ежедневные беседы, приемы, разъезды, споры, встречи с коллегами позволили почувствовать, чем живут страна и ее народ. Стремление докопаться до причин и смысла увиденного заставляет автора живо интересоваться, наряду с природой Австралии, и "архитектурой ее городов, ночными улицами и ночными клубами, игорными автоматами и скачками на городском ипподроме...".³⁹ Все это помогает писателю уяснить для себя тип национального характера и самобытность страны.

Завершая турне по Австралии, Д. Гранин отмечает: "У меня была своя Австралия, пусть самая малая ее часть, пусть всего лишь первое впечатление".⁴⁰

Таким образом, не только в теоретических размышлениях о путевом очерке, но и в собственной творческой практике Д. Гранину удается избежать нежелательных для этого жанра, по его мнению, традиционных штампов: он не является простым бытописателем, не поддается соблазну стереотипных представлений и, наконец, избегает искуса полемики с пред-

³⁸ Там же.

³⁹ Котовитц Я. Развесистая клюква, или в чем секрет оперативного жанра. – С. 147.

⁴⁰ Маслова Н. М. Путевой очерк: проблемы жанра. – М., 1980. – С. 42.

шественниками. А дискуссионные моменты выглядят естественно и не являются самоцелью.

Как видим, оба писателя, В. Короленко и Д. Гранин, становятся объектом изображения в собственных текстах, выполненных в жанре путешествия. Их авторские идеи, взгляды, жизненный опыт, аксиологические ценности приобретают в контексте повествования жанрообразующие черты, что, в свою очередь, оказывает влияние на формирование нового уровня представлений о личности современного им героя.

Раздел III.

К вопросу о поэтике

Для русского писателя извечна задача создания героя своего времени – образа человека, с которым связаны надежды общества, социальный прогресс, движение вперед. Поиск такого героя в современном литературном процессе ведется неустанно. Так, сегодня с наибольшей полнотой постигается проблема взаимоотношения личности, общества, природы, выражающая сложные и противоречивые вопросы становления человека, его нравственные искания и философское постижение смысла жизни. Все это показывает, насколько актуальны вопросы осмысления концепции личности, получившей художественную интерпретацию на страницах произведений В. Короленко и Д. Гранина.

Стиль как автопортрет писателя

Стилевая доминанта – отличительное качество любого художественного произведения, которое позволяет и читателям, и специалистам-филологам отличать одну художественную манеру повествования от другой. Обращаясь к текстам В.Г. Короленко, мы погружаемся в удивительную атмосферу

документально-художественной исповеди главного героя, в облике и биографических фактах которого проступает автобиографическое начало. Так от страницы к странице «Истории моего современника» всё явственнее проявляется масштабность личности самого В. Г. Короленко. Подкупает его правдивость, предельная честность и откровение, которое он представляет на суд своему читателю, доверяя ему.

Публицистический пафос, усиливающий эмоциональный накал произведения, служит своеобразным средством экспрессии в короленковском тексте. При этом богатой остаётся художественная составляющая произведения. В пятой части «Истории моего современника» (том второй, «Ссылные скитания») используются элементы жанра хождения, представленные в виде путевых заметок, наглядно воспроизводящих маршрут передвижения главного героя по местам ссылки. Не утратил герой жизненного оптимизма, что представлено в пейзажных зарисовках, наполненных сочными красками. Например: «После Спасской одиночной тюрьмы и Литовского замка всё казалось мне по дороге замечательным, всё вызывало яркие и сильные впечатления», «погода была чудесная, время праздничное (троица и духов день), и все встречные деревни тоже водили хороводы и звенели песнями».

Великолепный слог автора запечатлевается и в визуальных образах: «Я зарисовал в свою книжечку характерные фигуры этих мушкатеров», «...это была волжская вольница и бурлаки Репина, которых я с большой любовью

скопировал тушью с гравюры и повесил на стенке своей петербургской комнаты» и др. «Удвоенный» реализм, воплощенный в художественных и графических образах, определяет индивидуальный стиль произведения В.Г. Короленко. Художественный стиль писателя выражает его мировоззрение, воплощенное в образах языковыми средствами. Умело использованная писателем ирония граничит с уместным в данном случае юмором. Вот один из характерных примеров: «... занявшись тщательным обозрением *стенной литературы* (выделено мною – С. Л.) в своей камере...». Так предельно иронично автор характеризует настенные надписи в тюремной камере, которые несут большую информационную нагрузку. Пожалуй, для ссыльных они являются одним из главных, а может быть, и самым оперативным источником информации о перемещении заключенных.

С особым трепетом герой сообщает о каждой возможности зафиксировать происходящее либо пером, либо словом: «...я вытащил свою книжечку и стал свободно записывать свои впечатления». Для него это, прежде всего, свобода. Более того, это возможность запечатлеть каждый миг своего пути. Умелое сочетание фактографичности и литературного дара – вот отличительная черта короленковской манеры повествования. Так, описывая встречу в доме губернатора, у героя возникают ассоциативные сопоставления с героями И. С. Тургенева: «Обе фигуры были интеллигентные и приятные и напоминали мне почему-то героев Тургенева»,

«Господин, которого я мысленно назвал Лаврецким (из «Дворянского гнезда»), небрежно взял её, прочёл и сказал с выражением равнодушия и скуки: «Ну что ж! ... Везите в тюрьму...». Так, преодолев длительный путь, герой оказался в уездном городе Глазове, Вятской губернии.

Глазовский период в жизни В. Г. Короленко оставил достаточно благоприятные воспоминания. Занимаясь сапожным ремеслом, он много времени уделяет самообразованию. Выписывает литературу, знакомит с нею жителей рабочей слободки. Среди выписанных книг следует назвать: «Как мужик двух генералов прокормил» Н. Щедрина, «Сказка о купце Калашникове» М. Лермонтова, несколько брошюрок И. Тургенева, А. Пушкина. Ориентируясь на классические образцы художественного слова, писатель пытается выстроить иную логику взаимоотношений с местными жителями. Так, демонстрируя праведное поведение, ссыльные начинают представлять опасность для власти имущих, поскольку вызывают удивление со стороны местного населения по поводу того, почему таких хороших людей сослали. В этой связи вызывает особое уважение позиция героя, раскрывающая предельно объективное отношение к себе: «... я прослыл беспокойным и вредным человеком...». Он относился к тем ссыльным, о которых подробно писал в своём циркуляре министр Маков. «Он разъясняет, что те политические ссыльные, которые не пьянствуют и не дебоширят, а ведут себя по наружности прилично, – они-то и являются особенно опасными,

потому что, привлекая симпатии общества, пользуются этим для распространения вредных идей».

В результате ссыльных скитаний герой В. Г. Короленко не только расширяет познания о реалиях современной ему действительности, но ещё более укрепляется в правильности собственной гуманистической гражданской позиции. Несомненно, глазовская ссылка явилась важным этапом в формировании мировоззрения писателя и его творческого самоопределения. Погружаясь в его художественные искания, в очередной раз убеждаешься в самобытной стилевой манере созданных произведений.

Стилевые особенности «Истории моего современника» находятся в прямом соответствии с содержанием произведения, сущностью героя и обуславливаются ими. Принимая во внимание то, что рассказчиком в «Истории моего современника» является сам автор, стиль произведения выражает структуру мировосприятия главного героя, для которого существует лишь настоящее, полноценно воспринимаемое чувствами. Всё это ещё более убеждает в том, что художественное наследие В. Г. Короленко отличается стилевой оригинальностью, олицетворяющая собою автопортрет писателя.

Авторское оценочное слово в художественной системе

В. Короленко и Д. Гранина

*Автор размышляет,
Как бы заинтересовать читателя,
А тот решает,
Стоит ли ему читать дальше.
Д. Гранин*

Авторское присутствие – отличительное качество собственно художественного текста, характерное для творчества любого писателя. Разница лишь в том, насколько ярко выявлено его наличие в произведении и какую роль оно занимает в системе художественно-изобразительных средств того или иного мастера слова. Согласно теории Б.О. Кормана, существует автор биографический и автор художественный. Исследователем отмечается: «Соотношение автора биографического и автора-субъекта сознания, выражением которого является произведение, которое представляет собой соотношение жизненного материала и художественного произведения. Реальный, биографический автор (писатель)

создает с помощью воображения, отбора и переработки жизненного материала автора художественного (концепированного). Инобытием такого автора, его опосредованием является весь художественный феномен, все литературное произведение». ⁴¹

Так вот объектом нашего рассмотрения является именно художественная трансформация авторского начала в произведениях В. Короленко и Д. Гранина.

В художественной системе писателей авторское оценочное слово выполняет особую функцию: придает произведениям специфический колорит, поскольку является самодостаточным приемом их поэтики. В творчестве интересующих нас авторов оценочность изображаемого выполняет сюжетобразующую функцию повествования. Так выстраивается архитектура художественных произведений В. Короленко и Д. Гранина.

Авторская позиция, представленная в текстах В.Г. Короленко, пронизана мировоззренческими аспектами, свойственными художнику. Так, в рассказе «Река играет» (1891) писатель представляет оценочное слово автора художественного как полноправный компонент произведения, органично вписывающийся в повествование. Следует привести ряд примеров, наглядно подтверждающих выше сказанное:

⁴¹ Корман Б. О. О целостности литературного произведения // Корман Б. О. Избранные труды по теории и истории литературы. – Ижевск, 1992. – С. 119 – 128.

«Отношения, очевидно, определились уже давно: для меня ясно, что беспечный Тюлин и озабоченная, усталая баба с двумя детьми – две воюющие стороны». ⁴²

– «Между тем тщетно вопивший мужик смолкает и, оставив лошадь с телегой на том берегу, переправляется к нам вместе с Иванкой для личных переговоров. К удивлению моему, он самым благодушным образом здоровается с Тюлиным и садится рядом на скамейку». ⁴³

– «Тюлин, очевидно, приучил свою публику к терпению». ⁴⁴

И подобных оценочных конструкций в названном произведении встречается немало. Благодаря их присутствию, текст приобретает некие ироничные реалии, позволяющие дорисовать представленный портрет знаменитого Тюлина, окончательно оформляющийся в восприятии читателя в эйдический (зрительный) образ. Именно авторское оценочное слово пронизывает канву художественного повествования многогранной палитрой тех чувственных переживаний, которыми насыщается читатель. Так, возникает нужный эмоциональный фон созвучия художественного слова автора с духовными притязаниями читателя.

Если в текстах В. Г. Короленко авторское оценочное слово является неотъемлемым элементом его системы

⁴² Короленко В. Г. Повести и рассказы. – Уфа, 1987. – С. 283.

⁴³ Там же, с.284.

⁴⁴ Там же, с.294.

художественно-изобразительных средств, то в произведениях Д. Гранина это вполне самостоятельное «вкрапление», не противоречащее логике повествования, но и не вписывающееся в поэтику как таковую. И объясняется это, прежде всего, спецификой индивидуального стиля писателей. У В. Г. Короленко наблюдается достаточно строгое разделение собственно художественного и публицистического жанра, тогда как для творческой манеры письма Д. Гранина характерно их смешение. Поэтому у Д. Гранина сложился и окончательно упрочил свои позиции жанр художественно-документальный.

Открытая публицистическая позиция Д. Гранина явственно представлена на страницах его произведений. В одном из них он заявляет: «Я примеривал на себя их жизнь». Так оценивая поступки невымышленных героев, писатель выверяет собственный физический и нравственно-духовный потенциал, объективно осознавая предел собственных возможностей.

Герой повести "Эта странная жизнь"(1974) Александр Александрович Любищев заинтересовал писателя своей незаурядностью, умением встать над обстоятельствами, всецело посвятить себя науке. Этой цели он подчинил всю свою жизнь, разработал Систему, которая позволила ему максимально реализовать свои возможности. Он научился находить время внутри времени.

Жизнь Любищева действительно заслуживает эпитета – "странная". В произведении автор задумывается над образом жизни, который создает для себя герой, обладающий

незаурядными личностными качествами. Эти размышления становятся содержанием отдельных глав, где автор откровенно, в прямом авторском слове, соотносит героя со своим идеалом. В публицистических выступлениях автора отчетливо выявлено его отношение к Любищеву. Кроме того, авторские размышления о герое насыщены элементами психологического анализа. Своеобразным способом раскрытия авторской позиции в произведении является использование архивного материала, а также отбор изображаемых фактов из жизни героя. Любищев интересен автору, прежде всего, как личность необычная, "странная", с нетрадиционными взглядами на мир и на назначение человека.

На одной из встреч с читателями Д. Гранин отозвался об этом произведении следующим образом: "Повесть "Эта странная жизнь" – единственная из всех написанных мною книг, про которую могу сказать, что хотел бы, чтобы ее прочитало как можно больше людей"⁴⁵. На примере жизни героя художник показал, какие огромные нереализованные возможности скрыты в каждом из нас. Раскрыть эти возможности, по его мнению, может всякий, кто научится разумно строить свои взаимоотношения со временем, как это сделало ученый-энтомолог Любищев.

В произведении "Клавдия Вилор" (1975) свою писательскую задачу Д. Гранин видел в осмыслении фактов и постановке проблем времени. А путь к этому лежал через

⁴⁵ Гранин Д. Обратная связь// Литературная газета. – 1979. – 25 июня. – С.6.

глубокое исследование жизненных наблюдений, в результате которого выявляется историческая правда характера, находится сюжет, скрытый в самом документальном материале. Многие страницы произведения, особенно те, где Д. Гранин оценивает общественное значение поступков К. Вилор, звучат публицистически. В художественно-документальной повести автор основывается не только на конкретных фактах, но и прибегает к художественному "домысливанию", особенно в изображении внутреннего мира героя.

Важную роль в структуре гранинской повести-жизнеописании играет образ автора. Сопоставляя автора с героем, можно увидеть, как Д. Гранин создает систему оценок, через которую соотносит идеал с реальной жизнью. Автор пытается максимально приблизиться к своим героям. Каждый раз после сравнения автор приходит к мысли о том, как он далек от идеала. Соотнесенность своей собственной жизни с жизнью персонажей вообще является отличительной чертой творческой манеры Д. Гранина, для которого важно не только познать суть характера героя, но и проверить себя. Исследуя героев в разных обстоятельствах, Д. Гранин открывает для себя ресурсы человеческих возможностей. Писатель словно прослеживает, как поведет себя герой, поставленный жизнью в критическую ситуацию, когда неожиданные повороты событий заставляют его бескомпромиссно принимать решения, совершать тот или иной выбор на пределе своих духовных и физических сил. Автор анализирует поведение героев в разных обстоятельствах,

в результате чего возникает целостный образ героя, который наиболее полно соответствует представлению писателя об эстетическом идеале.

Как видим, оценочное слово автора художественного произведения воплощается в текстах интересующих нас писателей. Но несмотря на это, его присутствие в контексте повествования является ключевым элементом художественной системы писателей и служит эффективным средством в раскрытии системы образов и картины мира, определяемых эпохой их бытования.

Исторический экскурс как воплощение гуманизма в произведениях В. Короленко и Д. Гранина

Экскурс в прошлое – наиболее характерная черта творчества В. Короленко и Д. Гранина. Названные авторы осмысливают проблемы современной им действительности сквозь призму прошлых событий, поскольку это позволяет писателям выявлять взаимозависимость, уясняя для себя, таким образом, логику происходящего.

Так, В. Короленко в романе «Старый Мултан» выступает в роли летописца, правозащитника удмуртского народа. На страницах произведения автор исследует историю вопроса, погружаясь в обычаи, нравы удмуртов, посредством которых и становится очевидным своеобразие их ментальности. Чтобы убедить читателей и всю общественность, В. Короленко тщательно исследует все исторические реалии, наглядно свидетельствующие о невинности удмуртских крестьян. Небезразличие писателя к судьбе целого народа восхищает, поскольку такая позиция есть яркое свидетельство его гражданственности и просто человеческого мужества.

Погружение в историческое прошлое, попытка с его помощью осознать происходящее отличает и творческую манеру письма Д. Гранина, преклоняющегося перед феноменом В. Короленко. В публицистическом эссе «Неизвестный человек», рассматривая вопросы милосердия, писатель восхищается поступком В. Короленко. Вот, что он отмечает в этой связи: «Замечательный писатель Владимир Короленко в 1895 году вмешался в, казалось бы, совершенно безнадежное судебное дело: группу крестьян-удмуртов обвинили в ритуальном убийстве. Он изучил все материалы, показал, что дело было сфальцифицировано, и сумел добиться их оправдания. Тем самым защитил от кровавых наветов целый народ – вот какое значение обрело его вмешательство».⁴⁶ Данное произведение Д. Гранина послужило основанием для

⁴⁶ Гранин Д. Неизвестный человек. – СПб., 2002. – С.145.

осмысления короленковского гуманизма, занимающего столь значительное место в отечественной литературе. Непосредственное упоминание о предшественнике свидетельствует о глубокой приверженности современного нам художника слова традициям классического гуманизма, значительным образом отличающего русскую литературу от зарубежной.

Так, исследуя истоки гуманизма, Д. Гранин опирается на прошлый опыт человечества, апеллируя, тем самым, и к творческому, и личностному феномену В. Короленко.

Подобных примеров, когда оба писателя совершают экскурс в далекое и не столь отдаленное прошлое, можно встретить немало в их художественных и публицистических текстах. Главное – это сопричастность писателей друг к другу, несмотря на их отдаленность во времени. Такие переклички являются свидетельством вневременного аспекта духовно-нравственных ценностей. Д. Гранин размышляет: «Была своя вера, своя религиозность у А. Пушкина, у Ф. Достоевского, у В. Короленко, у А. Чехова, даже у М. Горького. Она-то двигала ими и побуждала не просто декларировать гуманизм, сострадание, не только призывать к милосердию через произведение, но и совершать его своими действиями. И выше всего стоит защита отдельного человека, помощь кому-то, то, что требует конкретных действий».⁴⁷

⁴⁷ Там же, с.145.

Данное высказывание писателя свидетельствует о созвучии проблем каждого времени. Именно поэтому очевидно, в нашем представлении, родство В. Короленко и Д. Гранина, а также их творческой манеры повествования в изображении модели мира и концепции человека, о чем красноречиво свидетельствует гранинское эссе «Неизвестный человек». Исследование короленковского феномена еще впереди, поскольку каждый раз открывается неисследованное и неизвестное. В этом и уникальность литературных явлений, высвечивающихся разными гранями в условиях нового исторического контекста.

Воспоминание как эстетическая категория в художественном наследии В. Короленко и Д. Гранина

Воспоминание как эстетическая категория напрямую сопряжено с образом исторического времени, которое особым образом организует повествовательное пространство художественного произведения. Исторический временной аспект в этой связи служит сюжетообразующим звеном в единой системе художественно-изобразительных средств, используемых писателем в своем творчестве. К числу таких

мастеров слова следует отнести В. Короленко и Д. Гранина. Проблема преемственности поколений, а значит и ценностей каждого из них всегда волновала писателей, поэтому воспоминание и служит тем органичным звеном, связующим нити времен.

В их творчестве воспоминание как категория исторического погружения в определенную эпоху времени присутствует, практически, всюду. И для авторов это, пожалуй, является одним их характерных признаков, отличающих их творческую манеру письма.

Так, в текстах В. Короленко мастерски воссоздается историческое временное пространство с целью воспроизведения исторического колорита, на фоне которого разворачивается повествовательная канва произведения. В этом, например, можно убедиться, обратившись к его литературным воспоминаниям. В одном из них – «Антон Павлович Чехов» – В. Короленко погружается в описание атмосферы того времени, которое сформировало А. Чехова как писателя. Вот как это описывает автор: «В те годы семья Чеховых жила на Садовой, в Кудрине, в небольшом красном уютном домике, какие, кажется, можно встретить только еще в Москве. Это был каменный особнячок, примыкавший к большому дому, но сам составляющий одну квартиру в два этажа. Внизу меня встретили сестра Чехова и младший брат, Михаил Павлович, тогда еще студент. А через несколько минут по лестнице сверху спустился

и Антон Павлович». ⁴⁸ Художественное воплощение изображаемого посредством воссоздания эйдических образов по памяти – характерный авторский прием, выгодным образом отличающий В. Короленко от других писателей. Не только окружение близких помогло формироваться писательскому феномену А. Чехова, но и, как отмечает В. Короленко, собственно литературная среда: «Когда в Петербурге я рассказал в кружке «Северного вестника» о своем посещении Чехова и о впечатлении, которое он на меня произвел, – это вызвало много разговоров. Талант Чехова признавали все единогласно, но к тому, на что он направит еще не определившуюся большую силу, – относились с некоторым сомнением». ⁴⁹ Так, воспроизводя воспоминания о творческой судьбе А. Чехова, В. Короленко передает собственное видение потенциальных возможностей этого писателя, с болью отмечая те разительные перемены, произошедшие в нем вследствие болезни: «В последний раз я видел его в 1902 г. в Ялте, куда я приехал для разговора об одном общем заявлении. Он жил на своей даче, которую построил (по-художнически непрактично) под Ялтой; с ним жили сестра и жена. Как и в первую нашу встречу, сестра Чехова встретила меня внизу, как и тогда, Чехов спустился по лестнице сверху. У меня сжалось сердце при этом воспоминании. Это был тот же Чехов, но куда девалась его уверенная, спокойная жизнерадостность? Черты обострились,

⁴⁸ Короленко В. Г. Публицистические статьи. – М., 1971. – С.384.

⁴⁹ Там же, с.385.

стали как будто жестче, и только глаза все еще порой лучились и ласкали. Но и в них чаще виднелось застывшее выражение грусти».¹

Оставленные литературные воспоминания В. Короленко помогают современному читателю погрузиться в историческое время и предельно объективно осмыслить личность писателя, так или иначе трансформирующуюся в его произведениях. В этом отношении жанр воспоминаний позволяет наглядно представить становление художественного феномена писателя, окунуться в его творческую лабораторию.

Отличительной чертой творческой манеры повествования Д. Гранина является оценка сегодняшних событий с точки зрения фронтового прошлого. «Раздумывая, – отмечает автор, – я вспоминал и другое. Вспоминал фронтовое время, когда в голодной окопной нашей жизни исключено было, чтобы при виде раненого пройти мимо него. Из твоей части, из другой – было невозможно, чтобы кто-то отвернулся, сделал вид, что не заметил. Помогали, тащили на себе, перевязывали, подвозили... Кое-кто, может, и нарушал этот закон фронтовой жизни, так ведь были и дезертиры и самострелы. Но не о них речь, мы сейчас – о главных жизненных правилах той поры. И после войны это чувство взаимопомощи, взаимобязанности долго оставалось среди нас». О следовании традициям военного прошлого и ведет разговор писатель в произведениях «Вариант второй» (1949) и «Наш комбат» (1968).

Так, в рассказе «Вариант второй» Александр Савицкий, завершив работу над кандидатской диссертацией, вдруг обнаружил аналогичное исследование Николаева, погибшего в годы Великой Отечественной войны. Герой поставлен перед выбором: представилась благоприятная возможность умолчать, так как об этом уже никто не помнит. Тем не менее, Александр Савицкий не преступает законы совести, закона духовной памяти и открыто заявляет об этом во время защиты.

В данном произведении Д. Гранин осмысливает проблему ответственности перед теми, кто не вернулся с войны. Во имя погибших ныне живущие не имеют право жить недостойно. Поэтому они трепетно относятся к жизни, как к чуду, дарованному свыше, искренне радуются ей и требуют такого же отношения со стороны окружающих. Вот почему с болью Д. Гранин оглядывается на уходящее фронтовое поколение. Вот почему так дорога писателю тема войны как тема духовной памяти.

Спустя почти двадцать лет писатель более явно намечает эту проблему в повести «Наш комбат». Следует отметить, что элементы автобиографизма придают произведению доверительный, эмоциональный тон повествования. До сих пор комбат не может простить себе гибели почти всего батальона, что стало возможным из-за плохой ориентации на местности. На протяжении всей повести звучит боль героя, боль писателя о тех, которые уже никогда не узнают, что могли бы жить.

В основе сюжетостроения произведения лежит покаяние комбата перед живыми и мертвыми. При этом наблюдается смещение временных пластов. Соотнесенность прошедшего и настоящего времени позволяет автору показать виртуальную картину непрерывно повторяющегося в сознании героя боя. В произведении комбат одновременно выступает в роли безжалостного судьи и подсудимого, открыто смотрящего правде в лицо. По-прежнему оставаться таким же безжалостным, как и в годы войны, это тоже подвиг, на который способен далеко не каждый.

Как правило, герои Д. Гранина – это люди, которые пытаются восстановить справедливость, когда начинают осознавать свою вину как в прошлом, так и в настоящем. Иначе они не могут жить, поэтому и живут, поступая по совести. Не случайно один из героев писателя (повесть «Однофамилец») говорит: «У меня не будет второй жизни, чтобы говорить правду». Эти слова являются жизненным кредо самого писателя и его любимых героев.

Как видим, анализируемое нами творчество интересующих нас писателей сквозь призму воспоминания как жанрового явления и собственно художественного приема позволяет увидеть новые грани в осмыслении творческого потенциала писателей и желания по-новому интерпретировать их художественное наследие.

«Петербургский текст» в творческой судьбе

В. Короленко и Д. Гранина

Петербургское пространство значительным образом сближает и В. Короленко, и Д. Гранина. Биографические судьбы обоих писателей тесно связаны с самим городом. Так, В. Короленко, будучи студентом Технологического института, включился в активную революционную деятельность. После нескольких лет ссылки вновь возвращается в Петербург и поступает в Горный институт, сближается с народниками, пробует себя в качестве журналиста. Затем становится редактором-издателем петербургского журнала «Русское богатство». Д. Гранин же всю свою жизнь связал с этим городом. Закончил Ленинградский политехнический институт, работал в должности инженера, а потом и в конструкторском бюро Кировского завода. Отсюда ушел на фронт. После войны работал в Ленэнерго, восстанавливая разрушенное в блокаду энергетическое хозяйство города. Затем недолго трудился в Научно-исследовательском институте, учился в аспирантуре политехнического института, а в 1954 году после выхода в свет романа "Искатели" Д. Гранин снискал громкий успех. И по сей день писатель самоотверженно служит на благо своих горожан,

продолжая литературную деятельность и работу в обществе «Милосердие».

Как видим, биографическое сходство в судьбах писателей позволяет, в очередной раз, убедиться, насколько много общего между интересующими нас писателями. В том числе, и петербургское пространство в их творческом наследии. В этой связи уместно обратиться к такому понятию, как «петербургский текст», которое впервые ввёл в литературоведческий обиход московский филолог Владимир Николаевич Топоров. В своей книге «Петербург и «Петербургский текст русской литературы» (Введение в тему)» он доказывает, что это не только литературная, но и метафизическая, и даже порой мистическая реальность. По мнению ученого, город в «петербургском тексте» – высшая реальность символично-мифологической природы. Ее основная идея – идея гибели и воскресения. Петербург – это пространство, в котором осмысливаются тема жизни и смерти, пути к обновлению и вечной жизни. Так, на основании всей петербургской прозы Д. Гранина выстраивается единый текст этого писателя о Петербурге. Подобное можно увидеть на примере совокупности текстов всей русской литературы, в которой, так или иначе, осмысливается писателями петербургская тема. Формируемые таким образом тексты обладают специфическими особенностями, прежде всего, семантической связностью. «В этом смысле кросс-жанровость, кросс-темпоральность, даже кросс-персональность

(в отношении авторства) не только не мешают признать некий текст единым в принимаемом здесь толковании, но, напротив, помогают этому снятием ограничений как на различие в жанрах, во времени создания текста, в авторах».⁵⁰

Петербургское пространство в жизни и творчестве В. Короленко выполняет, прежде всего, топонимическую функцию, не более того. Петербург не олицетворен в его произведениях, как, например, это можно встретить в текстах современных ему писателей (Ф. Достоевский, Л. Толстой, А. Чехов и др.), да и не только. В такой манере повествования В. Короленко узнаваем, поскольку это еще раз говорит о том, что он, прежде всего, публицист, летописец современной ему эпохи.

В отличие от В. Короленко, в творческой манере письма Д. Гранина узнаваема классическая интерпретация петербургской темы. Особенно это очевидно в его произведении «Неизвестный человек». В повести видны мистические очертания, представленные в виде наложения временных пластов, когда герои-современники встречаются с павловскими офицерами. Первоначальная мысль о том, что идут киносъемки была опровергнута. Ильин может быть не отнесся так серьезно к этой встрече, если бы среди офицеров не узнал своего родственника. Переплетение временных пластов позволило писателю использовать оригинальный прием в рассмотрении ценностей духовно-нравственного порядка. Эпохи меняются,

⁵⁰ Топоров В. Н. Петербург и «Петербургский текст русской литературы» (Введение в тему). – СПб., 2003. – С.26.

ценности остаются вне времени. Ильин, оказавшийся в непростой жизненной ситуации – ситуации выбора, погружается в далекое прошлое, изучает свою родословную и узнает о том, каким был его прадед, как отважно служил Павлу и не предал его в тот момент, когда свершилось предательство. Во все времена человек всегда стоит перед проблемой выбора: либо сохранить комфортные условия существования, либо поступить по зову совести, а значит выбрать далеко нелегкий, тернистый путь.

Представленное Д. Граниным петербургское пространство в свете ретроспективы, позволяет увидеть собственно авторский петербургский текст, соответствующий всем критериями идентификации текста согласно концепции В. Н. Топорова.

В творческой интерпретации В. Короленко петербургское пространство, как уже было отмечено выше, как правило, используется с точки зрения топонимической синонимии.

Созвучие творческого и биографического феномена писателей в аспекте петербургского пространства, органичным образом сформировавшего такое явление в отечественной литературе, как петербургский текст, становится привлекательным объектом для дальнейших литературных исследований.

Раздел IV.

Художественно-документальная литература

Отражение глубинных исторических процессов, связанных с утверждением личности в действительности и в художественной литературе, дает для литературоведения богатейший материал как в плане сравнения художественных произведений с самой жизнью, так и сравнения этих процессов в произведениях разных писателей, открывает широкие и еще недостаточно используемые возможности анализа конкретных произведений современной литературы.

Особый интерес в этой связи представляет, на наш взгляд, жанр художественно-документальной прозы, олицетворяющей традиционную ветвь отечественной литературы, о чем свидетельствует художественное дарование В. Короленко и Д. Гранина.

Реалии современности способствуют активизации названного жанра, что обусловлено потребностью читателя знать и читать достоверную информацию. Вымысел как таковой уже не удовлетворяет читательским запросам, а, следовательно, перестает воздействовать на читательское восприятие.

Художественно-документальной прозе удалось запечатлеть важнейшие эпохальные явления века «нынешнего» и «минувшего», что открывает большие возможности для самоидентификации современника.

Художественно-документальное начало в произведениях

В. Короленко и Д. Гранина

Использование документа в художественных произведениях началось не в новое время. Достаточно вспомнить, что древняя русская литература высоко чтит документ, факт и тексты ее имели преимущественно документальную основу. Этому свойству уделяет особое внимание в своих трудах об истоках русской словесности академик Д. С. Лихачев: "Древняя русская литература не знала открыто вымышленного героя. Все действующие лица русских литературных произведений XI – XII – начала XIII веков – исторические или претендующие на историчность... Писатели XI–XIII веков ищут для своих произведений значительных событий... Они стремятся писать о реально существовавших людях, о событиях, имевших место в конкретной исторической и географической обстановке, прибегая к ссылке на свидетельства современников, на материальные следы деятельности своих героев".⁵¹

⁵¹ Лихачев Д. С. Человек в мире Древней Руси. – М. – Л., 1958. – С.120.

И отечественная литература до сих пор не отошла от пристрастия к документализму, которое проявилось в следовании не только внешним признакам – опоре на реальные факты, события действительности, на конкретных людях, но и в отборе и обработке документальных источников, в особых принципах создания художественного образа.

Все это нашло отражение и в художественно-документальной прозе В. Короленко и Д. Гранина. Их творческий потенциал наиболее ярко раскрывается при рассмотрении концепции личности, созданной на стыке документа, факта и вымысла. Эстетические и нравственные идеалы писателей, воссозданные ими судьбы героев во времени, в связи с историческим движением общества в определенную эпоху, а также художественные достоинства делают их художественно-документальные произведения важной составной частью общего литературного процесса.

Так, в произведении «Дело Бейлиса» В. Короленко с особой тщательностью проводит расследование. Скурпулезно собирая факт за фактом, писатель формирует мощную доказательную базу, опровергающую вину Бейлиса. В этом в очередной раз обнаруживается объективность и гражданская порядочность В. Короленко. Вот как он повествует о поведении детей на суде, приводя при этом аргументированные документы, факты: «Вообще, мнение детей ярко и определено. Это было заметно на суде. Ни один из свидетелей-ребят не дал показания против Бейлиса. Ни один не повторил, будто Бейлис гонял их с

«мяла» и поймал Андриюшу. Да, дети решительно за Бейлиса...». ⁵² И этот факт, по мнению писателя, является самым главным и неопровержимым. Еще более красноречивым доказательством сфабрикованного дела является средний интеллектуальный и образовательный уровень состава присяжных, судящих Бейлиса. В их числе: крестьян и мещан – 20, чиновников – 4. Вот, что отмечает по этому поводу писатель: «Интеллектуальный уровень присяжных, которым предстояло судить сложное дело, связанное с мировым спором о ритуале, является пониженным против среднего уровня для университетского города, и если в университетском центре не нашлось другого кандидата в старшины, кроме мелкого писца, не умеющего с достоинством представлять институт присяжных, то это является исключительным и случайным. Тоже совершенно понятно, что воображение местного общества встревожено и идет гораздо дальше пределов, намечаемых указанными фактами». ⁵³ В этой связи у В. Короленко возникают ассоциации с Мултанским процессом, связанным с обвинением удмуртов в жертвоприношении. «Мне, – отмечает писатель, – невольно вспоминается другой состав присяжных, тоже по ритуальному делу и тоже очень серых, гораздо более серых, чем теперешние киевские присяжные. Они судили мултанцев». ⁵⁴

⁵² Короленко В. Г. Публицистические статьи. Собрание сочинений в шести томах. – М., 1971. – С.296 – 297.

⁵³ Там же, с.304 – 305.

⁵⁴ Там же, с. 306.

Приводимые доказательства неопровержимо свидетельствуют о предвзятости проводимого судебного процесса и невиновности человека, подвергнувшегося таким упорным и пристрастным преследованиям. Сквозь каждую сточку прорывается негодующий пафос В. Короленко: «... в течение двух лет держать невинного, напрягать все усилия на обвинение мирного и честного обывателя и в то же время всеми мерами и натяжками защищать вероятных убийц. Такова ситуация, выступившая с оправданием Бейлиса».⁵⁵ Откровенное слово автора пронизано публицистическим пафосом и осуждением ритуальной кампании.

Пристрастие В. Короленко к фактам, документам, свидетельствам очевидцев становится отличительной манерой повествования, так явственно представленной в его публицистических заметках. Это позволяет утверждать наличие документальной составляющей в творчестве писателя, органичным образом переплетающейся с собственно художественно-изобразительными средствами. В их числе закономерно упомянуть о портретировании представленных действующих лиц. Портретные характеристики всегда удаются В. Короленко. Например, описание прохожего, мнение которого разрядило гнетущую обстановку и расположило свидетелей к откровенному разговору. Вот как это представлено в тексте В. Короленко: «Так шло до тех пор, пока не подошел к нашей компании человек в длинном пальто и котелке,

⁵⁵ Там же, с.308.

полумещанского, получиновничьего типа. Это был, очевидно, человек экспансивный, подвижной и неробкий. В нашу молчаливую компанию он врезался, как большой шмель и, повернувшись, сказал: «Ну, только я прямо говорю: тут жида столько же работали, как и я». Это сразу разрешило настроение, и дальше мы пошли вместе, громко разговаривая, делаясь впечатлениями и жестикулируя».⁵⁶ Интересно и увлекательно воссоздает В. Короленко живописную картину изображаемой местности: «Трудно представить себе место, более привлекательное для детей. Гора широким склоном спускается к Кирилловской улице. Внизу, за ней, точно на плане, лежит чей-то кирпичный завод; видны навесы, высокие трубы и «мяла». За заводом – широкая синяя даль, подернутая легкой дымкой, луга, излучины Почайны и далеко, на самом горизонте, прерывистая лента Днепра. Луговой и днепровский ветер налетает сюда широкими, ласковыми взмахами».⁵⁷ Поэтическая картина представленной пейзажной зарисовки наполняет произведение особым лиризмом, который особенно ощутим на фоне контрастной картины изображаемого человеческого общества и тех ценностей, которыми оно руководствуется.

Как видим, творческой манере короленковского повествования характерен синтез художественного и документального начала, наполненного публицистическим пафосом.

⁵⁶ Там же, с.296.

⁵⁷ Там же, с.298.

Подобное можно встретить в «Блокадной книге» Д. Гранина, написанной совместно с белорусским писателем А. Адамовичем. Созвучие с короленковской манерой письма можно увидеть в откровенной исповеди, представленной в открытом авторском слове. Писатели книги придали своему повествованию особую многоголосую композицию, включающие воспоминания, дневники и записи трех основных героев. В результате на фундаменте общих судеб вырастают уникальные портреты Князева, Охалкиной, Юры, но они уже воспринимаются как типическая уникальность, как концентрация судеб и душ.

Исследование судеб и характеров в невероятных условиях – вот, что всегда интересовало Д. Гранина. Прежде всего, пограничная ситуация, ситуация выбора, в результате которой его герой либо остается достойным звания человека, либо утрачивает эти качества. Автор неустанно исследует его физические и духовные возможности. Пожалуй, в творчестве Д. Гранина главным оценочным критерием личности человека является его духовный и физический потенциал. В этом, на наш взгляд, и заключается суть гранинской концепции личности.

Главное достоинство "Блокадной книги" заключается в том, что авторы предоставляют полную свободу воспоминаниям очевидцев, конкретным фактам, документам. Это придает "Блокадной книге" особую достоверность и убедительность.

"Блокадную книгу" не назовешь публицистикой, и не случайно исследователи этого произведения вполне

определенно обозначают его жанровую специфику как роман. Следовательно, в названной книге ощутима художественная литературная форма. А это неизбежно сказывается и на особенностях взаимоотношения документализма и условности в ней.

Сопоставление произведений В. Короленко и Д. Гранина, значительным образом отдаленных во времени, формирует в читательском восприятии органичную, целостную картину развития литературного процесса. И этому служит авторское слово В. Короленко и Д. Гранина, вмещающее художественно-документальную традицию, идущую из эпохи Древней Руси.

Феномен читательского восприятия: к вопросу об интерпретации текстов В. Короленко и Д. Гранина

Художественное наследие В. Короленко и Д. Гранина представляет значительный интерес для читательской аудитории. Проблема читательского восприятия – одна из важных в теории литературы, поскольку наследие художника живо тогда, когда его читают, обмениваются опытом своего прочтения друг с другом.

Феномен читательского восприятия интересен для литературоведов с точки зрения интерпретации художественного произведения и бытования сложившегося представления во временном аспекте. Как известно, ценностные установки определяет эпоха. Следовательно, изменяющаяся шкала ценностей должна учитываться в осмыслении творчества того или иного автора.

Уникальность художественного дарования В. Короленко и Д. Гранина в том и заключается, что их творчество не подвластно времени. И это объясняется тем, что писателями изображаются «вечные» проблемы: человеческое предназначение, система гуманистических ценностей, противостояние добра и зла и т.п.

Бытующее в современном литературоведении модное поветрие – новое прочтение предшествующей литературы – совершенно неприменимо к творчеству интересующих нас писателей. Классический консерватизм (в лучшем смысле этого слова) отличает их художественную манеру повествования, направленную на утверждение вечных ценностей, которые вопреки всему живут в каждой эпохе.

Читатель, как главный судия жизнеспособности творчества писателей, зависит от вкусовых пристрастий, обусловленных спецификой собственного мировидения. Именно поэтому не каждый обратится к произведениям В. Короленко и Д. Гранина. Но в силу жизнеутверждающих гуманистических ценностей их творческое наследие органично вписалось в

единый историко-литературный контекст не только отечественной, но и зарубежной литературы. Творчество писателей известно читателю ближнего и дальнего зарубежья, стран Европы, США, Японии и др.

Так, в произведении В. Короленко «Без языка» (1885) изображается провинциальный быт жителей поселка Лозищи: «.... Все сплошь носят фамилии Лозинских. А чтобы точнее различать друг друга, то Лозинские к общей фамилии прибавляли прозвища....».⁵⁸ В числе этих обитателей особым образом писатель выделяет Осипа Лозинского, задумавшегося о тяжелой доле: земли было мало, аренда тяжелая, хозяйство беднело. Он решился отправиться на поиски лучшей жизни: «Пока человек еще молод, – отмечает герой, – а за спиной еще не пищит детвора, тут-то и поискать человеку, где это затерялась его доля».⁵⁹ Был он не первым в числе тех, кто ищет лучшей жизни, многие пропали без вести, кто-то вернулся побитый жизненными невзгодами. Осип Лозинский, пожалуй, первым, кто не пропал и отыскался, прислал жене письмо из Америки (губерния Миннесота) вместе с билетом: «А что такое тикет, так это вот та самая синяя бумажка, которую надо беречь как зеницу ока. На ней нарисован паровоз с вагонами и пароход. Это значит, что по этому билету Лозинскую повезут теперь

⁵⁸ Короленко В. Г. Без языка // Короленко В. Г. Повести и рассказы. – М., 1953. – С.1.

⁵⁹ Там же.

даром и по земле и по воде...». ⁶⁰ Так, вместе с братом Матвеем и его другом Иваном отправилась Лозинская к мужу в Америку.

Автору удалось передать их состояние тревоги, ощущения опасности и в то же время вожделение от новых встреч и впечатлений. Мотив путешествия, положенный в основу композиции произведения, predetermined поведение героев, мучительно размышляющих над тем, что такое свобода: «Свобода! Это слово частенько-таки повторялось в шинке еврея Шлемы, спокойно слушавшего за своей стойкой. Правду сказать, не всякий из лозищан понимал хорошенько, что оно значит. Но оно как-то хорошо обращалось на языке, и звучало в нем что-то такое, от чего человек будто прибавлялся в росте и что-то будто вспоминалось неясное, но приятное... Что-то такое, о чем как будто бы знали когда-то в той стороне старые люди, а дети иной раз прикидываются, что и они тоже знают...». ⁶¹ В Гамбурге Лозинская села на пароход, а Матвей с Иваном остались на пристани, так как были без билета. И только с помощью немца, узнали, где можно его приобрести. Так, разлучившись с Лозинской, начинаются мытарства героев на чужбине. Многое предстает их взору: поезда, автобусы, небоскребы и другие блага цивилизации, прежде неведомые героям. Все это и пугает их, и радует одновременно. Огорчает тот факт, что усиливается противоречие между «отцами» и «детьми»: «.... Ему стало очень обидно за Борка и за то, что

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Там же, с.3.

даже евреи, такой крепкий в своей вере народ, забыли здесь свой обычай... Молодые люди наскоро отужинали и убежали опять в другую комнату, а Борк остался один. И у Матвея защемило сердце при виде одинокой и грустной фигуры еврея».⁶² Америка безжалостно разбивает традиционные устои, сложившиеся представления. Красноречивым свидетельством тому является не только захватывающий сюжет произведения, но и мотив сна, активно используемый в произведении автором: «Прежний Матвей уже умер, и умер Дыма, и умерла ваша прежняя вера, и сердце у вас станет другое, и иная душа, и чужая молитва... И если бы встала твоя мать из заброшенной могилы, на тихом кладбище под лозищанским лесом, то здесь в детях твоих она не признала бы своих внуков ... Потому что они не будут похожи ни на отца, ни на тебя, ни на дедов и прадедов ... А будут они американцы...».⁶³ Данное видение оказалось пророческим. При всей своей безжалостной сущности Америка в то же время предоставляет большие возможности для реализации личностного потенциала. В. Короленко повествует в своем произведении о том, как человеку удается этим воспользоваться.

Авторская манера повествования значительным образом отличает Короленко-художника от Короленко-публициста. Захватывающий сюжет, исследование психологии поступка человека, оказавшегося в необычной ситуации (в другой стране

⁶² Там же, с.19.

⁶³ Там же, с.21.

с иными культурными традициями и устоями), притягивают внимание читательской аудитории. Взгляд из прошлого удачным образом соотносится в представлении читателя с современным восприятием Америки. Не смотря на значительный временной интервал, очень много сходного можно обнаружить между путешествующими XIX и XXI века. И в этой связи произведение В. Короленко смотрится свежо, современно. Разница лишь в том, что меняется антураж внешнего атрибутивного плана, что вполне объяснимо (развитие цивилизации налицо).

С захватывающей психологически выверенной достоверностью изображает автор образ Матвея, неуклонно соблюдающего родные традиции, не желающего подстраиваться под сложившиеся обстоятельства, как это сделал его друг Дыма. Мучительно переживает Матвей его предательство и то, с какой легкостью Дыма позволил над ним надругаться. В знак протеста Матвей покидает временное жилище. И с этого момента начинаются трагические испытания человека без языка. Все благие намерения Матвея воспринимаются окружающими, как выходки дикаря (о чем повествовалось в прессе), который убил полицейского на митинге. Внутренний конфликт, вызванный противоречием, возникшим между строгим следованием христианским заповедям (в том числе и не убий), и обстоятельствами, против которых герой оказался бессильным (что контрастирует с его гигантской внешностью и исполинской физической силой) в этой чужой, невероятно пугающей его

стране. Потеряв надежду на встречу с сестрой, появилось мощное желание вернуться на родину, в противном случае, обрести знакомую стихию – взять косу и начать работать, потому что рабочие руки, в его представлении, нужны везде, даже в Америке.

Сложившиеся обстоятельства поставили Матвея в ситуацию эмпирического познания другой страны с ее законами и представлениями о жизни в новом свете. Кросскультурная компетенция, о которой сегодня много говорят именно в отношении другой иной культуры, не была свойственна герою, прежде всего, потому, что он не знал языка. И все совершаемые им действия, жесты (и прочая невербалика) в восприятии иностранцев интерпретировались неожиданным для него образом. Наш современник, отправляясь за рубеж, не только старается овладеть языковым минимумом, но предварительно изучить быт и нравы интересующей его страны. В этом отношении произведение В. Короленко представляет интерес, прежде всего, как материал для осмысления эмоциональной «раздавленности» человека, «брошенного» в пучину неизведанного. Это кладезь для проведения серьезного психологического исследования «человеческого материала» в экстремальных условиях, каковыми является обретение героем самого себя в чужой стороне. Не просто «приживался» на чужбине Матвей, особенно в тот момент, когда остался без поддержки земляков. Исполинская сила героя и физического, и духовного порядка все же помогли ему противостоять Америке,

которая, как хорошая мельница, безжалостно перемалывает людей. Матвею удалось самостоятельно преодолеть все обрушившиеся на него испытания. Женившись на сироте, которую встретил еще на пароходе, герой окончательно укоренился на американской земле. Русская ментальность вкупе с выносливостью духовной и физической не позволили ему сгинуть на чужбине, что мастерски удалось воспроизвести писателю.

Почти вековой интервал отделяет произведения В. Короленко и Д. Гранина. А как много общего между их героями в постижении другой страны, не смотря на то, что герой Д. Гранина – это человек культуры в широком смысле этого слова. Принцип отбора материала, позволяющий Гранину-художнику дополнять и корректировать Гранина-публициста, так же, как и удачно найденная ироническая стилевая манера, свое дальнейшее развитие получают в путевом цикле писателя "Сад камней" (1971). По материалу это произведение значительно сложнее. Япония предстает взору писателя настолько необычной для восприятия, что традиционный рассказ о собственных впечатлениях представляется явно недостаточным. Вполне вероятно, что растерянность Д. Гранина по поводу того, как описать Японию, чтобы не повториться, объясняется тем, что к этому времени уже было создано значительное количество произведений, изображающих нравы и быт страны. К их числу относятся: "Пятнадцатый камень сада Реандзи" (1964) В. Цветова, "Ветка сакуры" (1970) В. Овчинникова, "Многоликая

Япония" (1970) В.Чехонина, "Сад камней" (1971) Д. Гранина, "Япония без ретуши" (1975) В. Кассиса, "Японцы в Японии" (1977), "Японцы на рубежах" (1983) В. Дунаева.

Совершенно очевидно, что Д. Гранин был знаком с этими произведениями. Ему важно было, никому не подражая, раскрыть свое понимание образа этой страны. "С одной стороны, – признается художник, – я увидел Японию как экзотическую страну, богатую традициями, с другой – как мощное индустриальное государство. С одной стороны, мне нравилась ее сохраняемая самобытность, с другой стороны, я был рад, узнавая всеобщее знакомое. Я подбирался к задаче то с одной, то с другой стороны, и мне все никак не удавалось объемно, цельно выразить мелькавшую передо мною жизнь, она была слишком противоречива"¹. Эти, вставшие на пути Д. Гранина, сложности писателю удалось преодолеть оригинальным способом. Образ автора словно раздваивается на двух повествователей, каждый из которых придерживается своего взгляда. Вводя двух героев в документальный очерк, писатель хотел поразмышлять вместе с читателем над тем, насколько непредвзяты или, наоборот, субъективны его выводы. При этом Д. Гранин как бы вовсе уводит авторское "я" со страниц очерка, передоверяя Глебу Фокину и Николаю Сомову все свои размышления, наблюдения, сомнения. Это определяет и структуру произведения, которое расчленено на главы, где поочередно рассматриваются впечатления героев. Пересечение их восприятий помогает автору воссоздать целостный образ

страны. При этом органично переплетаются два взгляда: рациональный и чувственно-эмоциональный. Назначение этого композиционного приема в стремлении к максимальной объективности изображаемого.

Для журналиста Глеба Фокина Япония – самобытная, полная тайн и чудес страна. Он больше всего озабочен тем, чтобы сохранить в душе чувство первооткрывателя, заброшенного на другую планету. Взгляд физика Николая Сомова, напротив, равнодушно скользит по "экзотике". Ему ближе привычное и хорошо знакомое – заводские корпуса, виадуки, облицованные черным мрамором банки, уходящие под землю гаражи, многоэтажные дома. Открытие каждым из героев "собственной Японии" обусловлено индивидуальными особенностями их характеров, темпераментов, профессий.

Следует отметить, что образ Глеба Фокина сложнее, многограннее, нежели образ Николая Сомова, так как он максимально приближен к писателю, поскольку выполняет еще и функцию комментатора в произведении. В качестве примера можно привести следующий эпизод: "...в Императорском парке мы с ним любовались двумя девушками. Они стояли на мостике, красные кимоно их отражались в черной воде, ...сама по себе эта картина была красива. Бывают такие редкие случаи: все вдруг счастливо сочетается – краски, воздух, солнце, – длится это какое-нибудь мгновение, и словно ощущаешь, что никогда это больше не повторится"¹. Что делает Сомов? Вздыхая и умиляясь, начинает выяснять, что внутри этих кимоно

пребывают студентки-двоечницы, что они не понимают какого-то Фейнмана и т.п. Любознательность сжигала его, мешала ему наслаждаться.

В путевом очерке писатель пытается воссоздать мирообраз страны, которая является для него загадкой. Автору важно понять и духовный потенциал страны, ее специфику, которая делает Японию непохожей на другие страны. Таким самобытным средством, отличающим Японию, является сакраментальный образ Сада камней. Этот образ придает путевому очерку философский характер, так как Сад камней заставляет задуматься о прошлом и настоящем на фоне гонки века. "Сад камней представляет площадку примерно метров тридцать на десять. Темные камни на белом песке. Одни камни, больше ничего - ни травинки, ни листочка. Они напомнили мне камни Нагасаки"¹. Пятнадцать камней, из которых лишь четырнадцать были открыты взору наблюдателя, пятнадцатый же неизменно оказывается за одним из этих четырнадцати. Молодой японский ученый Тэракура объяснил героям тайну этой композиции: "...это как ваш бог... Он невидим. Мы о нем не знаем. Бог всегда прячется в неизвестном"⁶⁴. "Бог, который прячется в пятнадцатом камне, – отвечает Сомов, – существовал оттого, что человек не мог подняться, оторваться от земли. Достаточно посмотреть сверху, и тогда увидишь все разом, все

⁶⁴ Там же, с. 496.

пятнадцать камней. Человек должен жить в трехмерном мире..."⁶⁵.

Не каждому удастся подняться над Садам камней на самолете, но каждый должен стремиться подняться над собой, над пятнадцатым камнем в самом себе. Все эти размышления наводят на философские рассуждения о прошлом и настоящем, о познанном и неизведанном.

Очерк Д. Гранина "Сад камней" выдержан в жанре путешествия. В нем очеркист использует особую форму выражения авторского сознания. В повествовании представлены две полярные точки зрения. При этом образ повествователя не концентрируется в одном лице, как это бывает обычно, а, наоборот, раздваивается, что позволило писателю полнее представить свое мировосприятие страны и проявить свое представление о духовном мире современника.

Несомненно, творческий феномен В. Короленко и Д. Гранина, так явственно обнаружившийся в произведениях «Без языка» и «Сад камней», служит наглядным примером восприятия и постижения инородной культуры русским человеком, привыкшим к родной (собственной) традиционной системе ценностного восприятия Мира и Человека. Именно поэтому интерпретация текстов В. Короленко и Д. Гранина представляет особую ценность, поскольку оказывает влияние на формирование читательского восприятия современника.

⁶⁵ Там же.

Раздел V.

Методические материалы

Методическое осмысление творческого наследия В. Короленко и Д. Гранина представляет для педагогов-практиков практическую ценность с точки зрения преподавания их творчества, тем более что произведения обоих авторов вошли в обязательный список изучаемых произведений в школе, да и не только.

Для учителей словесности выстроенные параллели позволят выявить традиции преемственности и векторы последующего развития данного направления в отечественном литературоведении.

Гуманистические ценности В.Г. Короленко в формировании профессиональной компетентности учителя-словесника

Сложившаяся в Удмуртской Республике система повышения квалификации педагогических работников, прежде всего, направлена на формирование их профессиональной компетентности, которая включает базовые, предметные и надпредметные компетенции.

Учителя-словесники, регулярно повышающие свой квалификационный уровень, в первую очередь совершенствуют предметную составляющую. Погружение в предметную область, достижение глубины в знаниевой парадигме – вот залог высокого профессионализма педагога. Именно поэтому, как показывает практика, учителя-филологи с удовольствием выбирают курсы повышения квалификации, построенные по блочно-модульному принципу, посвященные новому прочтению и осмыслению классической литературы, в частности, творчества великого гуманиста XIX века – В.Г. Короленко. Погружение в художественное наследие писателя начинается с осмысления его гражданской позиции и мировоззренческого аспекта, поскольку именно они определяют художественные искания автора.

Отличительной чертой короленковского наследия является его гуманистическая направленность. В этом можно убедиться, обратившись к его публицистическим и собственно художественным текстам. Особый акцент в ходе курсов повышения квалификации делается на региональный компонент, а именно на тех произведениях, в которых присутствует топонимика Удмуртии. При этом отмечается значительная роль В.Г. Короленко в становлении национального самосознания удмуртского народа. Свидетельством тому его уникальный роман «Старый Мултан», посвящённый защите удмуртских крестьян. Для слушателей курсов повышения квалификации организуется экскурсионная поездка в село

Короленко (бывшее – Старый Мултан). Погружаясь в атмосферу прошлого, педагоги совершенно по-другому начинают воспринимать ту эпоху, трудности в жизни простого люда и правозащитную функцию писателя-гуманиста.

Завершающим этапом в новом прочтении произведений В.Г. Короленко, является выполнение учителями-филологами творческого задания: написание эссе, либо рецензии или отзыва о произведениях писателя «удмуртского периода» глазами современного читателя. Кроме того, на занятиях со слушателями практикуется анализ регионального научно-методического наследия учёных Удмуртии. Прежде всего, внимание акцентируется на трудах известных короленковедов. В их числе следует назвать А. Г. Татаринцева, Н. Н. Гущину-Закирову, Ю. Г. Гущина и др. Немало внимания уделяется отечественному и зарубежному короленковедению. Особый интерес для педагогов-практиков представляет учебно-методическое пособие «Наше культурное достояние» Н. Закировой, а также международный проект «Этюды о жизни и творчестве В. Г. Короленко», выполненный учёными Александром Васильевичем Труханенко (Украина, г. Львов) и Натальей Николаевной Гущиной-Закировой (Россия, Удмуртская Республика, г. Глазов). Благодаря проведению таких курсов, в институте сформировался солидный банк педагогического опыта учителей республики по изучению личности и творчества В.Г. Короленко.

«Книжная полка» учащегося: к проблеме читательского восприятия художественного наследия

В. Короленко и Д. Гранина

Методическая наука имеет очень важное значение в осмыслении проблемы читательского восприятия. Свидетельством тому имеющиеся в значительном количестве программы по литературе для общеобразовательных учреждений.

Современный учитель стоит перед проблемой выбора учебно-методического комплекта (УМК) и, соответственно, программы по литературе. Так, в Программе литературного образования для 5 – 9 классов (М., 2005), подготовленной коллективом авторов по редакцией члена-корреспондента РАО, профессора В. Г. Маранцмана, предлагается изучение повести В. Короленко «В дурном обществе» в пятом классе. В ходе изучения данного произведения рекомендуется осмысление такого литературного понятия, как «портрет литературного героя». Такой подход позволит учащимся воспринять не только сюжетную оболочку произведения, но и проникнуть в психологию характера изображаемых героев, их поступков. Данный методический прием позволит учителю рассмотреть творческий феномен писателя многоаспектно, что, несомненно,

раскроет многогранность таланта мастера слова. На изучение данного произведения отводится четыре часа. Времени не так много, но это ставит учителя в ситуацию, требующую от него максимальной концентрации изучаемого материала, компрессии анализируемого художественного текста. Кроме того, рекомендуется для уроков внеклассного чтения изучение данного произведения в контексте литературы зарубежной, а именно, в сопоставлении с произведением Д. Гринвуда «Маленький оборвыш». Такой методический подход предоставляет возможность для формирования кругозора учащихся и такой важной базовой для них компетенции, как смысловое прочтение художественного произведения в контексте мирового литературного процесса.

Для учащихся девятого класса предлагается изучение одного из произведений В. Короленко по выбору. Право выбора предоставляется как учителю, так и учащимся. Такой демократический подход демонстрирует уважение ко всем участникам образовательного процесса, что и позволяет говорить о лично-ориентированном обучении, где приветствуются субъект-субъектные отношения.

Осмысление творческого феномена В. Короленко, в соответствии с Программой по литературе (5 – 9 классы) Г. Меркина, рекомендуется в шестом классе. Для обязательного рассмотрения предлагается произведение писателя «В дурном обществе». В контексте изучения вопросов теории литературы предлагается погружение в специфику жанра повести и

художественной детали как структурообразующего компонента художественного повествования. Выработка внимания учащихся к тексту произведения посредством осмысления места и роли художественной детали – одна из главных задач учителя-словесника. Даже сцена знакомства двух героев – Валека и Васи – воссоздана В. Короленко психологически верно с учетом гендерной специфики (герои чуть не вступили в драку, что очень характерно для поведения мальчиков, утверждающих свои позиции силовым способом).

Подобный подход в изучении повести В. Короленко можно встретить в Программе по литературе для 5 – 11 классов, составителями которой являются Г. С. Меркин, С. А. Зинин, В. А. Чалмаев.

В Программе В.Я. Коровиной изучение вышеназванной повести предлагается в пятом классе, в восьмом классе рекомендуется рассмотрение его произведения «Мгновение», а в одиннадцатом классе – рассказа «Чудная». В этом же классе предлагается изучение творчества Д. Гранина в рамках темы «Городская проза». Отсутствие конкретной рекомендации по изучению творческого феномена Д. Гранина позволяет учителю самостоятельно произвести отбор интересующего материала, что расширяет диапазон его методических решений.

Автор Программы по литературе (5–11 классы) Г. И. Беленький рекомендует изучение повести В. Короленко «В дурном обществе» в шестом классе, а в восьмом классе – рассказы «Парадоксы» и «Огоньки». Как видим,

рекомендательный список, расширяется, появляется многообразие тем и произведений изучаемых авторов. Так в помощь учителю ведущим методистом предлагается оптимальный вариант «погружения» в художественное наследие писателя.

В Программе по литературе Г. В. Москвиной, Н. Н. Пуряевой, Е. Л. Ерохиной изучение художественного дарования В. Короленко планируется в шестом классе и лишь на материале IX главы под названием «Кукла» (повесть «В дурном обществе»), на изучение которой отводится два часа. Такой методический подход обедняет, на наш взгляд, изучение хрестоматийного произведения писателя, поскольку рассмотрение его должно носить комплексный характер: в контексте единой сюжетной канвы художественного повествования.

Особым образом обращает на себя внимание Программа Т. Ф. Курдюмовой, в которой изучение творчества Д. Гранина предлагается в аспекте «городской прозы» (11 класс). Но абсолютно не рекомендуется к рассмотрению творчество В. Короленко, что огорчает.

В программе для национальных общеобразовательных учреждений (5–11 (12) классы) под редакцией М. В. Черкезовой в седьмом классе предлагается изучение повести В. Короленко «Слепой музыкант», а в восьмом классе – изучение произведения «Последний луч» из цикла сибирских рассказов писателя.

В названных программах представлен обязательный и рекомендуемый минимум для обучающихся на средней и старшей образовательной ступени общего среднего образования. Все это направлено на расширение читательского диапазона современного школьника, чья книжная полка должна быть представлена не только литературным «читивом» (фантастика, фэнтези, детектив, любовный роман и т.п.), оказавшимся столь привлекательным для юного читателя, но и лучшими образцами художественного слова (образцы классического слова XIX-XXI вв.). Обзор имеющихся программ позволяет сделать вывод о том, насколько творчество В. Короленко и Д. Гранина стало хрестоматийным и органично вошло в историко-литературный контекст обязательного школьного изучения.

Тема детства в творчестве В. Короленко и Д. Гранина

Детская тема оказалась созвучной творчеству В. Короленко и Д. Гранина. Представленные в их произведениях образы детей воспроизведены сквозь призму духовно-нравственных исканий писателей и ценностных ориентиров изображаемой ими эпохи.

Как известно, концепция личности героя детских произведений складывалась в отечественной литературе постепенно. При этом вопрос о герое детской книги является вопросом повышенной сложности в силу того, что это характер складывающийся, в котором важно не столько выявление достоинств, сколько понимание специфики внутреннего роста. Неоднозначность, сложность изначально присутствуют в исследуемом характере в силу естественных психовозрастных особенностей детей и подростков. При этом большое значение имеют внешняя яркость и привлекательность поступков героя и его максимальная активность в доказательстве своих нравственных императивов.

Прежде всего, авторы ориентируются на осмысление идеального героя, востребованного временем. И, как показывает опыт художественной практики, это есть осмысление положительного героя, что и отличает русскую классическую литературу. Подобную манеру постижения сущности характера юного героя можно встретить и в произведениях В. Короленко.

В литературе XX века наравне с положительным героем основательно осмысливается и отрицательный герой. Кроме того, происходит смещение одних ценностей в сторону других, в результате чего появляется персонаж, воплощающий в себе всю гамму синтезированных между собой личностных качеств. Так меняется представление о наиболее привлекательных чертах героя от десятилетия к десятилетию. Например, ведущие типы художественного характера 70–80-х годов, раскрывающие

положительный идеал автора, сформировались в 60-е годы XX века. Это был так называемый тип "чудака", наиболее отчетливо представленный в произведениях В. Железникова, В. Крапивина, Э. Шима, Ю. Яковлева, а также тип "озорника с благородным сердцем", характерный для произведений Д. Гранина, Ю. Томина, В. Козлова, И. Киселева, С. Голицына и др.

Независимый характер юного человека, внимательно всматривающегося в мир, умеющего отличать настоящее от фальшивого отличает творчество В. Короленко и Д. Гранина. При всей индивидуальности героев названных авторов, в них есть нечто общее: конфликтность героя является выражением в нем обостренной принципиальности. Именно такой тип героя воплощает В. Короленко в адаптированном для детей произведении «Дети подземелья». Встреча Валека и Васи едва не завершилась потасовкой, но они разрешили возникшее непонимание мирным путем. В повести В. Короленко представил художественное воплощение концепции личности в образе Валека, внешне вполне благовоспитанного, но способного ради выживания на воровство. Его отличает обостренное чувство сострадания к своей больной сестренке. Валек бережно относится к Марусе, заботится о ней, защищает ее, насколько это возможно, от жизненных невзгод.

Удивительным образом решает В. Короленко проблему взаимоотношений детей, принадлежащих к разным сословиям. Контрастирующая картина сопоставления детей,

принадлежащих к миру благополучного детства (Вася и Соня), и детей подземелья (Валек и Маруся), при жизни обреченных на существование на кладбище, позволяет писателю затронуть очень важную проблему в обществе – проблему обездоленных людей. В силу своих гуманистических устремлений В. Короленко тесным образом переплетает судьбы детей, преподнося, таким образом, жизненный урок для тех и других. Этим произведением писатель учит читателя быть отзывчивым к проблемам окружающих, решать возникающие проблемы гуманным способом. По мнению писателя, способностью к саморефлексам, постоянным стремлением к совершенствованию, умением ощущать чужую боль должен отличаться герой в произведениях детской и юношеской литературы.

Искания юного героя характерны и для творческой манеры письма Д. Гранина. Следует отметить многомерность характера, потребность понять не только следствия, но и причины, истоки сложившихся духовно-нравственных ценностей. Антропологическая проблематика в творчестве Д. Гранина, на наш взгляд, достигла своего апогея в рассказах "Затмение", "У окна", впервые опубликованных в журнале "Нева"(№ 1, 1996г.). Это объясняется тем, что в центре авторского внимания оказались нехарактерные прежде для писателя мир детства и образ ребенка.

В названных рассказах тема детства предстала так явно, так очевидно, что можно смело говорить о новом полномочном

гранинском герое. Очевидно, острое ощущение конечности земного бытия способствовало обращению писателя к прошлому, к миру собственных детских воспоминаний. И, тем не менее, ностальгия о прошлом не придает ноток драматизма гранинским рассказам, а, наоборот, усиливает лиризм их повествования.

Если в предшествующих произведениях писателя память детства осмысливалась и рассматривалась как составная, необходимая часть жизни взрослого героя, то в названных рассказах она является полноправным объектом авторского внимания.

Фрагменты детских воспоминаний, неожиданно возникающие в памяти Д. Гранина, определяют своеобразие композиции рассказов, которые, как правило, лишены экспозиционной и заключительной части. В данных произведениях наблюдается отсутствие сюжета как такового. Именно поэтому их жанровую природу можно обозначить как мини-рассказ, рассказ-эссе, рассказ-зарисовка.

На наш взгляд, данная жанровая дефиниция определяет философскую основу гранинских рассказов, поскольку здесь явно ощущается полюсное восприятие начала и конца жизни, между которыми возникает яркая "вспышка" детских воспоминаний.

Безусловно, Д. Гранин как художник слова остается неустанным искателем новых форм собственного выражения мировосприятия. Именно поэтому, как нам видится, мир

детства, образ ребенка позволяют писателю создать образ целокупности мира.

Как видим, внимание художников привлекает характер, в котором происходит сложная борьба разнонаправленных начал, идет качественное преобразование внутреннего мира героя. Авторы обращаются к причинам нравственной раздвоенности личности подростка с осознанными, но не до конца определившимися устойчивыми идеалами. Подобный тип художественного характера можно условно назвать "герой на перепутье". Основным принципом раскрытия такого характера, как правило, становится выявление его доминирующего признака.

Процесс развития противоречивых свойств характера героя становится ведущим для определения своеобразия сюжетосложения, и писатели художественно исследуют причины этой противоречивости, стремясь проникнуть вглубь экономических, социальных, нравственных процессов современности.

Программа элективного курса

*«Литература как проявление действительности
в художественно-документальной прозе
В. Короленко и Д. Гранина»*

Пояснительная записка

С целью оказания методической помощи учителю при анализе художественно-документальной прозы в рамках спецкурса рассматривается структурно-семантический подход при изучении известных произведений В. Короленко и Д. Гранина. Представленный материал позволит целостно осмыслить важнейшие перемены не только в обществе, но и в практике художественного экспериментирования писателей над формой и содержанием.

Предметом данного курса является осмысление творческого феномена таких художников слова, как В. Короленко и Д. Гранин в аспекте методических приемов, используемых учителем в своей педагогической деятельности.

Цель курса – формирование читательской компетенции обучающихся посредством расширения их филологического кругозора при изучении творчества писателей, принадлежащих разным литературным эпохам.

Задачи курса:

- погружение в творческую индивидуальность В. Короленко и Д. Гранина;

- осмысление их творческого наследия в аспекте ассоциативного взаимосвязанного изучения;

- выявление их места и роли в отечественном литературоведении, да и не только.

Умения и навыки, которыми должен овладеть обучающийся:

- выявлять сходство и отличия в художественной системе писателей;

- оперировать терминологическим минимумом в вопросах анализа художественно-документальных текстов;

- экстраполировать полученные знания на изучение иных литературных явлений.

Тематический план

I. Из истории вопроса	2ч.
II. Изучение художественно-документальной литературы в школе	2ч.
III. Признаки образа в художественно-документальном произведении	4ч.
IV. Интерпретация художественно-документального произведения	2ч.
Вопросы для коллоквиума. Темы сочинений. Библиография	4ч.
V. Терминологический минимум, необходимый при	

изучении	темы	«Художественно-документальное произведение»	2ч.
	VI.Заключительное занятие		2ч.
Итого:			18 часов

Из истории вопроса

Художественно-документальная, документальная, мемуарно-биографическая проза получила широкие возможности для своего развития в современном литературном процессе. Очередной всплеск этой литературы объясняется потребностью обращения художников слова к проблеме исторической памяти. Исследователи отмечают, что если в литературе XXI – начале XX века ценностной доминантой в раскрытии характеров и действительности является изображение новых веяний, то в литературе второй половины XX – начале XXI века наметилась иная тенденция – обращение к прошлому, к истории.

Тенденция к публицистической открытости авторской позиции в осмыслении проблемы личности отразилась в документальном повествовании, где факт оказывается сильнее вымысла. Примером тому является исследование творческого феномена В. Короленко и Д. Гранина.

Художественно-документальным следует считать такое произведение, в котором реализован художественный потенциал

документального материала и документальной структуры⁶⁶. Более глубокое понимание художественно-документальной прозы нужно искать в ее специфической дуалистической природе. С одной стороны, следование документу, факту (фактологическая база). С другой, художественно-изобразительные средства, приемы собственно художественной литературы. Следует отметить, что компоненты документального и беллетристического произведений очень сходны по содержанию и функциям. Так, используемый в произведении фактический материал придает повествованию особую эмоциональную заразительность, а рассматриваемая проблематика, как правило, носит гуманистическую направленность. Присутствие личности автора в структуре произведения является приемом активного выражения субъективного отношения к действительности. Общий стиль и вся система использованных элементов придают повествованию атмосферу подлинности, доверительности. Эти особенности представляют собой эстетический потенциал художественно-документального произведения, которое становится носителем мирообраза (термин Зунделовича).

Художественно-документальная литература – это произведения, которые всецело определяются содержащимися в художественной структуре историческими фактами или документами. Факт, трансформируясь в сознании художника,

⁶⁶ Лейдерман Н. Л. К вопросу о художественном потенциале документального произведения // О художественно-документальной литературе. – Иваново, 1972. – С.31–32.

отливается в художественный образ, обладающий большим эстетическим потенциалом. К числу художественных (жанрообразующих) функций документально-фактического материала следует отнести: расширение хронотопа произведения; использование документа как одного из образных элементов раскрытия характера персонажа, при этом документ способствует созданию панорамы воспроизводимого времени; эффекта достоверности изображаемого, документализм определяет эпичность, публицистичность и репортажность повествования; документальный факт или документ выступают как система движения сюжета; документам и фактам, как правило, придаются качества художественности, эстетической значимости путем их комментирования, сопоставления, анализа.

Как видим, документальность художественного произведения является показателем достоверности отраженных в нем событий. Документальность в этом смысле выступает как содержательная форма, в которой реализуется достоверность соответствующего повествования. Документальность принадлежит плану художественного произведения и обнаруживается непосредственно при чтении. Достоверность – категория художественного мышления и как таковая может быть воспринята опосредованно. Таким образом, художественно-документальные жанры – это жанры художественной литературы, в которых документализм является основополагающим принципом всей художественно-изобразительной системы произведения.

Изучение художественно-документальной литературы в школе

Жанр художественно-документальной литературы занимает все более прочные позиции на современном этапе развития отечественной литературы. Это не могло не отразиться на содержании школьного литературного образования. Учитель словесности столкнулся с очередной трудностью и вопрос, как надо изучать произведения данного жанра, оказался самым насущным. С целью оказания помощи учителю представляем алгоритм анализа художественно-документального произведения.

В первую очередь необходимо обозначить основные направления, позволяющие осмыслить феномен интересующего жанра. К их числу относятся:

- эстетическая сущность документальности;
- документальность и достоверность;
- документ в творческом процессе писателя;
- художественно-документальные жанры, их классификация, связь с родовыми формами литературы;
- художественно-документальные жанры и близкие к ним жанровые образования, их взаимодействие;
- особенности типизации и раскрытия характеров в разных жанрах;
- стилевые черты художественно-документальной литературы;

- критерии художественности в ней;
- познавательное, воспитательное и эстетическое значение художественно-документальной литературы;
- восприятие ее читателем.

Представленные параметры являются необходимыми этапами работы над художественно-документальным произведением. Последовательное рассмотрение их позволит учителю показать своеобразие данного жанра учащимся. При этом очень важно обратить их внимание на отличие художественно-документальной литературы от собственно художественной. Несмотря на существующие отличия, художественно-документальная литература все-таки остается полноценным жанром отечественного литературного процесса, занимает в нем собственную нишу в раскрытии мира и человека.

Признаки образа в художественно-документальном произведении:

- вымысел отодвинут на второй план;
- в основе создания образа лежат реальные факты и явления;
- проблема типизации решается путем выбора жизненно типического.

Целесообразно выделять два значения понятия «документальность»:

- документальность – явление, которое порождает деловую и научную литературу (письма, дневники, воспоминания, описания и т.д.);
- документальность – средство создания образа (очерк, художественная биография, художественно-мемуарные произведения типа «Былое и думы» А. Герцена).

Синтез факта и документа с собственно художественно-изобразительными средствами литературы, в свою очередь, позволяет выделить два типа художественного творчества:

- *домысел* – средство максимального приближения к правде, что в большей степени и характерно для жанра художественно-документальной литературы;
- *вымысел* – средство, которое основывается, как правило, на воображении, фантазии.

Таким образом, анализ произведений интересующего нас жанра предполагает выявление степени взаимопроникновения друг в друга художественного и документального начала. И это позволяет выйти на такой уровень постижения произведения, как его интерпретация.

Интерпретация художественно-документального произведения:

- погружение в текст (попытка ученика разобраться в собственных впечатлениях от прочитанного);
- осознание жанровой специфики произведения, своеобразия художественно-документального текста (сюжетный анализ);
- отработка аргументированных суждений;

- выделение наиболее значимых эпизодов, глав, фрагментов текста (композиционный анализ);
- характеристика героев, воссоздающих судьбы реально живших людей;
- определение роли авторских отступлений, авторского голоса, подтекста (все-таки существующего в рамках художественно-документального произведения), то есть постижение мастерства автора в умелом соединении факта и вымысла;
- сопоставительный анализ явлений, проблем и героев одного или нескольких художественно-документальных произведений, сходных по теме, идее и т.д.;
- создание собственной интерпретации произведения (в данном случае понимается оценка, толкование, трактовка произведения в форме аргументированного высказывания);
- осознанный выбор стиля сочинения, его композиции, варианта вступления;
- редактура художественно-документального текста учащимися.

Работа, осуществляемая таким образом над текстом художественно-документального произведения, позволяет активизировать деятельность учащихся на уроках литературы и их интерес к данному жанру. И это закономерно, так как одним из ключевых аспектов работы учителя-словесника является развитие жанрового мышления учащихся.

Важным моментом в структуре урока является высказывание собственного суждения о прочитанном.

Представленное мнение обязательно должно быть аргументированным, даже если оно идет вразрез с общепринятой точкой зрения. И это вполне допустимо, так как интерпретация художественно-документального произведения предполагает многовариативность трактований.

Обращаясь к этому жанру, учащиеся наглядно убеждаются в наличии существенной разницы между стилевыми явлениями. Так в рамках одного урока учителю удастся обратиться к еще одной проблеме – проблеме развития речи учащихся и их речевого слуха.

Вопросы для коллоквиума

1. Элементы житийной литературы в произведении В. Короленко «История моего современника».
2. Черты агиографического жанра в повестях-жизнеописаниях Д. Гранина «Эта странная жизнь», «Клавдия Вилор», «Зубр», «Блокадная книга».

Темы сочинений

1. «И только правда ко двору...» (по произведениям отечественной художественно-документальной литературы).
2. Дали истории в произведениях русских писателей.
3. Герой и его время (по произведениям В. Короленко и Д. Гранина).
4. «Я в самом разном сам собой увиден»: автор и герой художественно-документального произведения.

5. Мои знаменитые земляки.
6. Край Удмуртский в лицах, фактах, аргументах.

Терминологический минимум, необходимый при изучении темы «Художественно-документальное произведение»

Агиография – вид церковной литературы, жизнеописания СВЯТЫХ.

Биография – описание чьей-нибудь жизни.

Герой – действующее лицо литературного произведения; лицо, воплощающее в себе характерные черты эпохи, среды.

Действительность – действительный; объективный мир во всем многообразии его связей, бытие, окружающая обстановка, положение.

Документ – деловая бумага, подтверждающая какой-нибудь факт или право на что-нибудь.

Документальный – основанный на документах, на фактах.

Житие – повествование о чьей-нибудь жизни.

Мартирии – повествования о мучениках и святых.

Образ – вид, облик; то же, что икона.

Реальный – действительно существующий, не воображаемый.

Факт – действительное, вполне реальное событие, явление; то, что действительно произошло.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Арутюнова Н. Д. Истина и этика // Логический анализ языка: Истина и истинность в культуре и языке. – М., 1995. – С.37 – 43.
2. Баранов В. И. Правда искусства – правда истории. – Горький, 1972. – 350 с.
3. Белая Г. А. Художественный мир современной прозы. – М., 1993. – 191 с.
4. Бондаренко В. Автопортрет поколения // Вопросы литературы. – 1985. – № 11. – 137 с.
5. Бочаров А. Человек и война. – М., 1978. – 210 с. 36.
6. Воробьева Н. Н. Принцип историзма в изображении характера. Классическая традиция и советская литература. – М., 1971. – 217 с.
7. Гаек И. Литература факта // Вопросы литературы. – 1965. – № 12. – С.25 – 34.
8. Гачев Г. Д. Национальные образы мира. – М., 1988. – 311. – с. 51.
9. Гинзбург Л. О документальной литературе и принципах построения характера // Вопросы литературы. – 1970. – № 7. – С. 62 – 91.
10. Гинзбург Л. Я. О литературном герое. – Л., 1979. – 222. – с. 58.
11. Документализм и современная литература // Вопросы литературы. – 1972. – № 7. – С.249 – 250.

12. О документализме // Научная конференция. – Курск, 1972. – 193 с.

21. Ожегов С. И. Словарь русского языка. – М., 1987.

13. Озеров В. М. Герои нравственного подвига // Октябрь. – 1977. – № 9.

14. Палиевский П. В. Документ в современной литературе // Пути реализма. – М., 1974. – С.88 –104.

15. Попов Г. Система и зубры (Размышления экономиста по поводу повести Д. Гранина "Зубр") // Наука и жизнь. – 1988. – № 3. – С.56 – 64.

16. Права и обязанности документалиста // Вопросы литературы. – 1971. – № 6. – С.63 – 135.

17. Проблема достоверности // Вопросы литературы. – 1966. – №№ 2,9.

18. Проблемы документализма : Сб. статей. – Белгород, 1972. –250 с.

19. Роготченко А. Документальность и художественность (О развитии историко-биографического жанра в украинской прозе) // Радуга. – 1972. – № 9. – С.146-163.

20. Татаринцев А. Г. Прототипы героев "Путешествия из Петербурга в Москву"// Русская литература. –1972. – № 1. – С.87 – 94.

21. Трубина Л. А. Литература XX века: Пособие для слушателей подготовительных курсов. – М., 1999. – С.27 – 63.

22. Урбан А. Автодокументальная проза // Звезда. – 1970. – № 10. – С.18.

23. Филиппов В. В. Место и роль документализма в советской прозе о Великой Отечественной войне 60 –70-х гг. – М. 1979. – 75 с.

24. Финк Л. Герой наших дней // Вопросы литературы. – 1986. – № 6. – С.11– 31.

25. Фоменко Л. Достоверность факта и правда чувства // Вопросы литературы. – 1969. – № 6. – С.64– 78.

26.Черная Н. И. Ученый в современной советской прозе: (Научный поиск и моральная ответственность). – Киев, 1976. – 172 с.

27.Шагалов А. Измерение человечности. Нравственный выбор героев современной прозы. – М., 1983. – 352 с.

28. Шеховцев И. С. Документализм и современный литературный процесс // Сибирские огни. – 1972. – № 10. – С.19 –31.

29. Шеховцев Е. В. Искусство и духовный мир человека. – М., 1984. – 43с.

45. Штут С. Каков ты, человек? – М., 1987. – 172 с.

46. Янская И. С., Кардин Э.В. Пределы достоверности: Очерки документальной литературы. – М., 1986. – 179 с.

Раздел VI.

Современное отечественное литературоведение о творческом феномене В.Г. Короленко

В разделе представлены отзывы, рецензии и просто размышления о состоянии короленковедения на современном этапе.

Глазовская «школа» короленковедения

Уже давно в литературоведении общепризнанным является тот факт, что период пребывания В. Короленко в г. Глазове значительным образом повлиял на его самоопределение как писателя. Подтверждение этому можно встретить в научных трудах глазовских ученых, представленных в сборнике «Глазов в жизни и творчестве В.Г. Короленко» (1988).

В центре внимания исследователей – осмысление глазовского периода в судьбе В. Короленко. Этим и объясняется

композиционный прием, избранный литературоведами, напрямую отражающий хронологию событий глазовской ссылки писателя. Словно следуя традициям жанра хождения ученые «перелистывают» глазовские страницы. Вот, что отмечается в предисловии: «... он предстает перед читателем как человек, вступающий в самостоятельную жизнь и ожидающий «встречи» с местом ссылки; ... воспроизводятся первые впечатления ссыльного о Глазове, ...затем показывается, как отразились глазовские впечатления в его последующем творчестве».⁶⁷

Оригинальность данного исследования состоит в том, что литературоведами впервые были исследованы те периоды в жизни и творчестве В.Короленко, которые на тот момент не были объектом рассмотрения в отечественном литературоведении. Это литературное открытие сделали глазовские короленковеды. Татаринцев А. Г., Софронова С. И, Пашкова С. Я, Захаров В. В., Демина Ю. П., Гущина Н. Н. – вот уникальный коллектив ученых, вошедших в историю отечественного литературоведения как глазовская «школа» современного короленковедения. Спектр их научных интересов различный: исследование места жительства и знакомств В. Короленко в г. Глазове, переписка и круг его чтения, творческое самоопределение и жанрово-тематические искания, реальные люди, ставшие прототипами его произведений, а также тщательно составленное библиографическое описание.

⁶⁷ Глазов в жизни и творчестве В. Г. Короленко / Составитель и научный редактор А. Г. Татаринцев. – Ижевск, 1988. – С. 5.

«Глазовский» колорит (термин Н. Н. Закировой-Гущиной), так многогранно исследованный и воплощенный здесь, характеризует мировоззренческое взросление В. Короленко, свидетельствует о его самоопределении в статусе писателя.

О роли билингвального проекта в развитии современного короленковедения

Билингвальный проект «Ненастоящий город. Пормымтэ кар» (2005) – это первый опыт публикации глазовских страниц короленковского наследия, которое приурочено к 125-летию пребывания В. Г. Короленко в г. Глазове (1879). Литературный проект выполнен талантливым коллективом авторов – доцентами Глазовского педагогического института им. В. Г. Короленко Н. Н. Закировой, С. Я. Пашковой, М. Т. Слесаревой и выпускницей филологического факультета Н. К. Золотарёвой.

Настоящее издание опубликовано на русском и удмуртском языках, что усиливает ценность данной публикации. Книга носит практикоориентированный характер, поскольку представленный материал вызывает интерес не только у филологов, историков, краеведов, этнографов, но и учителей,

студентов, учащихся. В Федеральном государственном стандарте нового поколения концептуальным ядром является Концепция духовно-нравственного воспитания личности, что в очередной раз подчёркивает необходимость использования такого содержательного материала в целях формирования патриотизма подрастающего поколения. Издание таким образом приобретает широкий круг потребителей, так как тексты, представленные на языке титульной нации, сделают его доступным и привлекательным для учащихся-билингвов национальных классов Удмуртской Республики. Черно-белые иллюстрации, выполненные удмуртским художником В.В. Наговицыным, ещё более усиливают этнокультурологический компонент данного проекта.

Литературно-художественный проект «Ненастоящий город. Пормымтэ кар» получил мощную финансовую поддержку со стороны Администрации г. Глазова, ректората Глазовского педагогического института им. В. Г. Короленко, Публичной научной библиотеки им. В. Г. Короленко, руководителей государственных предприятий, представителей бизнес-структур, СМИ и пр. Этот факт красноречиво свидетельствует о нужности билингвального литературно-художественного издания для образования, культуры Удмуртии, да и не только. Сделан важный шаг в развитии современного короленковедения.

Авторскому коллективу хочется пожелать дальнейших творческих свершений, научного поиска и неиссякаемого короленковского оптимизма.

Все о семинарии

В 2010 году в литературной жизни произошло значительное событие – вышел семинарий «В. Г. Короленко и русская литература», автором которого является пристрастный исследователь русской словесности, ведущий короленковед в отечественном литературоведении, доцент Н. Н. Закирова.

Выбранная исследователем жанровая дефиниция (семинарий) изначально предполагает четко организованную систему практических занятий, вовлекающих в процесс работы группу студентов (и не только) по осмыслению и погружению в конкретную тему. Объектом представленного семинария является общественное и историко-литературное значение В. Г. Короленко как видного деятеля отечественной культуры. С особой тщательностью ученым приводятся материалы по биографии, мировоззрению, общественной деятельности и творчеству В. Г. Короленко.

Наследие писателя рассматривается литературоведом в контексте историко-литературного процесса XVIII–XX веков.

Основательно прослеживается Н. Н. Закировой генезис короленковедения как особого научного объекта познания. При этом ею отмечается, что это солидная не только по возрасту, но по степени разработанности отрасль в современном научном мире. Основной целью семинария является попытка «раскрыть закономерности литературных влияний, выделить их главные типы, снабдить пользователя ориентирами и конкретными материалами в безбрежном информационном поле, научить студентов сопоставительному анализу творчества художников слова».⁶⁸

В разделе «Из истории короленковедения» отмечается, что с момента первой публикации о писателе насчитывается свыше 130 лет. В этом контексте длительного интереса к феномену писателя любопытен аспект исследования научных пристрастий короленковедов, благодаря неухающему интересу которых все более обогащается это направление в истории литературы. Как отмечает исследователь: «Наука о писателе переживает волнообразные периоды роста и упадка интереса к нему».⁶⁹

Значительное внимание в семинарии уделяется истокам обращения к жизни и творчеству писателя в Глазовском пединституте. ГГПИ превратился в крупнейший современный научный центр по изучению наследия В.Г. Короленко. Н.Н. Закировой с завидной скупулесностью отмечается, что

⁶⁸ Закирова Н. Н. В.Г. Короленко и русская литература. – Глазов, 2010. – С.4.

⁶⁹ Там же, с.5.

«печатная продукция глазовских короленковедов растет в геометрической прогрессии: если за 30 лет до 1979 года было опубликовано всего 3 статьи, в последующее десятилетие их стало в 5 раз больше! К сегодняшнему дню счет идет не на отдельные тезисы и статьи, а на сборники, монографии, учебные пособия, монографии и диссертации».⁷⁰ С гордостью констатируется тот факт, что формируется молодое поколение короленковедов из числа студентов ГГПИ, успешно выполняющих курсовые и дипломные проекты.

Интересна историография вопроса и в отношении проводимых научно-практических конференций, статус которых повышается год от года. И это связано, прежде всего, с тем, что укрепляются связи между короленковедами разных регионов и стран. Об этом красноречиво свидетельствует тот факт, что «в 2010 году группа ученых ГГПИ приступила к осуществлению Программы фундаментальных исследований «Короленковедение и актуальные проблемы теории и истории литературы» (грант РФФИ)».⁷¹

Семинарий полезен всем, кто, так или иначе, обращается к наследию В. Г. Короленко и может получить в этом издании всю необходимую информацию. Свидетельством тому представленная здесь хронологическая канва жизни и творчества В. Г. Короленко. Такая выборка материала является

⁷⁰ Там же, с. 7.

⁷¹ Там же, с. 9.

мудрым методическим решением, позволяющим сэкономить время на поиск нужной информации.

Мировоззренческая и общественная позиция писателя рассматривается на примере конкретных исторических фактов, способствовавших формированию его гуманистических ценностей, о чем, например, красноречиво свидетельствуют его выступления в защиту удмуртских крестьян во время Мултанского дела, в ходе процесса против Бейлиса и пр. Так оттачивалась его активная гражданская позиция и те демократические позиции, снискавшие ему славу человека, преданно служившему народу и самозабвенно отстаивающему его интересы.

Исследователем основательно анализируются мировоззренческие искания писателя, которые напрямую сопряжены с его литературно-эстетическими взглядами. И в этой связи любопытно, как происходило формирование эстетической системы писателя, его литературных пристрастий, чему Н. Н. Закирова уделяет особое внимание. Погружаясь в творческую лабораторию писателя, литературовед исследует проблему отбора жизненного материала и его художественного воплощения в текстах произведений. Вот, что отмечает Н. Н. Закирова: «Почти во всех своих произведениях Короленко берет широкие жизненные явления и отдельные человеческие личности в момент перехода от застоя к борьбе. Изображение народа, который начинает осознавать несправедливость

общественного строя, ощущать свое право на человеческое существование – это главные черты тематики Короленко». ⁷²

Как видим, сопряженность мировоззренческих и эстетических исканий писателя налицо. И происходит это, по мнению ученого, в контексте современной ему литературной среды. Поэтому соотнесенность его художественного наследия с другими писателями выводит творческий феномен В.Г. Короленко на качественно иной уровень: в мировое литературное пространство. Совершенно в этой связи не удивительно осмысление личности и творчества писателя в широком географическом пространстве, представленном литературоведами-исследователями разных стран.

В семинарии рассматривается региональный аспект по изучению наследия писателя. Прежде всего, обращает на себя внимание раздел «Короленковедение в лицах», представленный такими известными в области короленковедения персоналиями, как А. В. Храбровицкий, А. Г. Татаринцев, Л. А. Чешкова, М. И. Буня, Ю. Г. Гушин, А. В. Труханенко, Н. В. Витрук.

Органичным завершением семинария являются методические материалы, включающие программы спецкурсов:

- «Жизнь и творчество писателя-гуманиста В. Г. Короленко»;

- «Педагогический потенциал художественного наследия В. Г. Короленко»;

⁷² Там же, с. 33

- «В. Г. Короленко в литературно-общественном движении 1870-1880-х годов».

А также указанная в этом разделе тематика докладов для спецсеминара «Короленко и русская литература», задания для контрольной работы «Жизнь, творчество и проблема детства в наследии В. Г. Короленко».

В заключительной части семинария представлен основательный список библиографических работ по теме: «Глазов в жизни и творчестве В. Г. Короленко», литература по теме: «Короленко о детях и для детей», а также список работ по короленковедению Н. Н. Закировой (Гущиной).

Такое методическое средоточие прикладного материала по изучению личности и творчества писателя делает семинарий особенно востребованным среди специалистов-филологов, педагогов-практиков и всех тех, кто интересуется вопросами короленковедения в историко-литературном аспекте.

А впереди горизонты...

Новое монографическое исследование, подготовленное глазовскими учеными (Н. Н. Закирова, С. И. Сафронова, В. В. Захаров, А. Ю. Мусихина), вышло в свет в 2011 году и получило

знаковое название «Горизонты короленковедения». Работа выполнена под научным руководством доцента Н.Н. Закировой, на протяжении многих лет возглавляющей научное направление по исследованию жизни и творчества В. Г. Короленко, а также курирующей выполнение короленковской темы в рамках выигранного гранта. Слова искренней благодарности и признательности хочется выразить в адрес всего коллектива авторов монографии за титанический труд и истинную преданность короленковскому наследию.

В представленном исследовании ученые намечают новые грани и аспекты в короленковедении. Новый живительный глоток получила эта тема в преломлении к современным тенденциям отечественного и зарубежного литературоведения. По-прежнему силен практикоориентированный компонент, позволяющий погрузиться в атмосферу творческих исследований как преподавателей Глазовского пединститута, так и студентов, заинтересованных и увлеченных короленковской тематикой. Их научно-исследовательские работы, выполненные в технологии проектно-исследовательской деятельности, пронизаны чувством ответственности за достойное продолжение короленковской эстафеты в ряду предшествующих поколений студентов, обратившихся к этой проблематике еще под руководством профессора А. Г. Татаринцева.

Название монографии – «Горизонты короленковедения» – отражает сущность современного состояния короленковедения

как серьезного научного направления в литературоведении. Отрадно, что работа в этом направлении находит одобрительные отзывы среди отечественных и зарубежных ученых. Ширится географический охват в осмыслении наследия В. Г. Короленко. Так, совершенно случайно, но, как показывает опыт, вполне закономерно, удалось установить контакт с американским исследователем и поклонником творчества В. Г. Короленко Джамилей Назыровой, преподающей в Огайском университете (США, штат Огайо). Установление таких научных связей позволяет судить о масштабных, глобализационных процессах, происходящих в разных областях человеческой жизнедеятельности, и научных изысканиях в области литературоведения, в том числе.

Намеченные в монографии перспективы по дальнейшему изучению творческого наследия В. Г. Короленко определяют новые горизонты исследовательского пространства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Говорухина Ю. Русская литературная критика XX – XXI веков. – Красноярск, 2012. – 229 с.
2. Гордович К. Д. История отечественной литературы XX в. – СПб. : Академия, 2000. – 320 с.
3. Закирова Н. Н. В. Г. Короленко и русская литература: Семинарий. – Глазов, 2010. – 184 с.
4. Закирова Н. Н. Горизонты короленковедения : Коллективная монография / Н. Н. Закирова, В. В. Захаров, А. Ю. Мусихина, С. И. Софронова / под ред. Н. Н. Закировой. – Глазов, 2011. – 204 с.
5. Закирова Н. В мире Короленко / Н. Закирова, С. Скопкарева, А. Труханенко. – Львов, 2012. – 238 с.
6. Зинин С. А. Внутрипредметные связи в изучении школьного историко-литературного курса. – М., 2004.
7. Ольховская Л. Экогуманизм В. Г. Короленко / Л. Ольховская, О. Иванова, Н. Закирова, С. Скопкарева, А. Труханенко. – Львов, 2015. – 166 с.
8. Ланин Б. А. Современная литература в школе XXI века // Проблемы современного образования. – 2010. – № 5. – С. 55 – 60.
8. Лейдерман Н. Л., Липовецкий М. Н. Современная русская литература. В трех книгах. – М., 2001. Кн. 3. – 342 с.
9. Лейдерман Н. Л., Липовецкий М. Н. Современная русская литература: 1950 – 1990-е годы. Пособие для студентов высших учебных заведений. В 2-х томах. – М., 2007. – 689 с.

10. Литературоведение и критика Центральной и Юго-Восточной Европы конца XX – начала XXI века. Идеи. Методы. Подходы / Отв. ред. Н. Н. Старикова. – М., 2011. – 174 с.
11. Минералов Ю. Новейшая русская литература (1990-е годы – начало XXI века). – М., 1999.
12. Минералов Ю. Н. Современный литературный процесс. – М. : Наука, 2005. – 220 с.
13. Нартов К. М., Лекомцева Н. В. Взаимосвязи отечественной и зарубежной литератур в школьном курсе. Книга для учителя. – М., 2003. – 184 с.
14. Нефагина Г. Л. Русская проза конца XX в. : учеб. пособие. – М. : Флинта : Наука, 2003. – 320 с.
15. Ольховская Л. Экогуманизм В. Г. Короленко / Л. Ольховская, О. Иванова, Н. Закирова, В. Семибратов, А. Труханенко. – Львов, 2016. – 178 с.
16. Скопкарева С. Л. Концепция личности в русской литературе второй половины XX века : пособие по спецкурсу. – Глазов : ГГПИ, 2001. – 36 с.
17. Скопкарева С. Л. Современная литература как проявленная действительность (на примере художественно-документальной прозы) : пособие. – Ижевск : Изд-во ИПК и ПРО, 2006. – 46 с.
18. Скопкарева С. Л. Литература Удмуртии: эскизные наброски. – Ижевск, 2014 – 152 с.
19. Скопкарева С. Л. Человек и мир: эколого-мировоззренческий аспект (на материале произведений В. Г. Короленко и Д.А. Гранина). – Ижевск, 2016. – 79 с.

20. Современный литературный процесс : Учебное пособие / Составитель Т. А. Тернова. – Воронеж, 2007.
21. Современная русская литература (1990-е гг. – начало XXI в.) / С. И. Тимина, В. Е. Васильев, О. Ю. Воронина и др. – СПб. : С.-Петербур. гос. ун-т; М. : Академия, 2005. – 352 с.
22. Трубина Л. А. Русская проза рубежа XX – XXI веков: Учебное пособие / под ред. Т. М. Колядич. – М., 2011.
23. Чалмаев В. А. Русская проза 1980 - 2000 гг. на перекрестке мнений и споров / В.А. Чалмаев // Литература в школе. – 2002. – № 5. – С. 20 – 22.
24. Черняк М. А. Современная русская литература. – СПб. – 2004. – 336 с.
25. Черняк М. А. Массовая литература конца XX – начала XXI века) // Филологический класс. – 2008. – № 20. – С. 4 – 11.
26. Финк Л. Герой наших дней // Вопросы литературы. – 1986. – № 6. – С.11– 31.
27. Шагалов А. Измерение человечности. Нравственный выбор героев современной прозы. – М., 1983. – 352 с.
28. Шеховцев И. С. Документализм и современный литературный процесс // Сибирские огни. – 1972. – № 10. – С.19–31.
29. Шеховцев Е. В. Искусство и духовный мир человека. – М., 1984. – 43с.
30. Штут С. Каков ты, человек? – М., 1987. – 172 с.
31. Янская И. С., Кардин Э. В. Пределы достоверности: Очерки документальной литературы. – М., 1986. – 179 с.

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Завершилась работа над удивительным проектом, вдохновителем которого явился зарубежный коллега – Александр Труханенко. Обнаруженные ассоциативные переключки между В. Короленко и Д. Граниным, побудили к осмыслению иной грани в понимании их творческого наследия, до сих пор радующего современного читателя. В очередной раз пришлось убедиться в неисчерпаемости творческой уникальности В. Короленко.

Искренние слова признательности и благодарности хочется выразить профессору Глазовского пединститута Н. Закировой, без поддержки которой вряд ли бы решилась взяться за такую тему.

«Диалог творчества» не завершен: впереди новые горизонты в развитии современного короленковедения.

